

84. Р. 03
7-40

ЖАМБУЛ

Десни
и

ПОЭМЫ

Д К И Х Л
Д А М М А Т А
1 9 3 9

84.12
ЖК-26.

ЖАМБУЛ

НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ-
ИМПРОВИЗАТОР КАЗАХСТАНА,
ОРДЕНОНОСЕЦ

ПЕСНИ и ПОЭМЫ

5835
Составители **К. АЛТАЙСКИЙ**
М. КАРАТАЕВ
Редакция и вступительная
статья **М. КАРАТАЕВА**

Казахстанское издательство
художественной литературы
АЛМА-АТА—1937

0 14086

О ТВОРЧЕСТВЕ ЖАМБУЛА

Народы великого Советского Союза, двадцать лет дышащие свободным воздухом под гербом и флагом нашей великой Родины, вступили в золотой век искусства, до которого человечество не поднималось даже во времена солнечной Эллады и в светлую эпоху Возрождения.

Великая дружба народов СССР, выросшая на почве мудрой ленинско-сталинской национальной политики, небывалые победы во всех областях социалистического строительства, могучий взлет культуры в стране, невиданный в истории человечества творческий энтузиазм широчайших народных масс — вот почва, на которой расцвело народное искусство многонационального Советского Союза.

Широкий размах народного творчества нашей Родины согрет заботой Ленинско-Сталинской партии и вождя человечества Сталина, который неослабно следит и помогает народному творчеству и художественной самодеятельности масс во всех областях.

Особенное внимание партия и тов. Сталин уделяют устному народному творчеству, фольклору. Двадцать лет тому назад, до революции «устное народное творчество трудящихся служило единст-

венным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива» (Горький). Если до революции народное творчество — и в частности народные песни и поэмы — подвергалось травле и преследованию со стороны господствующих классов, то после революции золотые ключи, неиссякаемые родники народного творчества забили с могучей, небывалой силой.

Нет ни одной республики, ни одной области и края, где бы ни пели прекрасные, полные силы и мужества, новые народные песни.

Говоря словами Жамбула: —

«Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.

Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.

Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана,

И Янка, акын белорусских полей,

Льет песни теплее, чем крик журавлей.

Запел весь Советский Союз многоликий —

Русские, турки, казахи, таджики»...

Каждый народ выдвигает глашатаев своих мыслей, чувств и настроений, своей воли и своего миропонимания. Дагестан выделил могучего певца-импровизатора ашуга Сулеймана Стальского; Киргизстан — прекрасного акына Алымкула; Азербайджан — великолепных ашугов Мирзу и Асата; Узбекистан — старого бахши Пулкана; Казахстан — по праву гордится всесоюзно-известными чудесными импровизациями Жамбула.

Фигура девяносталетнего старейшины казахских

акынов Жамбула Жабаева представляет исключительный интерес с точки зрения выявления и понимания тех исторических причин, которые обусловили силу и значимость дивных песен этого мудрого певца казахского народа. Верный сын своей матери — Родины, сын нужды и труда Жамбул всегда был с народом, потому-то на него и наложилась свою печать почти столетняя история казахского народа. Талантливый певец, Жамбул отразил в своих песнях, как и во всей жизни, многовековую и многострадальную историю этого народа, всегда и неустанно выражал его мечты, его интересы, думы и чаяния. В Жамбуле нашли свое органическое воплощение лучшие традиции и достижения богатого казахского народного творчества. Исключительное своеобразие жизни и деятельности Жамбула, как и своеобразие творческого пути классика пролетарской социалистической литературы — А. М. Горького, «Гомера XX века» — Сулеймана Стальского и вообще многих других мастеров культуры и искусства настолько велики, что жизнь каждого из этих замечательных людей сама является интересной темой для произведения, характеризующего как их эпоху, так и творчество.

Семьдесят лет прожил Жамбул в закабаленной, превращенной в колонию казахской степи и был свидетелем страданий народа, испытывающего на себе двойной гнет — военно-феодалного империализма извне и со стороны ханов, баев и мулл внутри страны, гнета, под которым стонала, мучительно стремясь к светлому будущему, казахская трудящаяся масса.

58 лет пел Жамбул о горе народа, о его подлинных мыслях, сильных чувствах и неумирающих надеждах, о его дремлющей силе и неиссякаемой воле к борьбе.

«Семьдесят лет я сквозь слезы пел
В юртах дырявых, в голодной толпе,
В холодных встает и в нищих аулах
О жизни тяжелой, как груз саксаула.
О жизни крутой, как оленья гора,
Пела надреснутая домбра». —

Поэт Жамбул в своей замечательной песне «Привет народа», в которой так же, как во всех других песнях, сквозь биографические мотивы можно увидеть всю историю казахского народа. Потому что, как верно замечает Жамбул в своей автобиографии, он «правдиво мог петь только о себе и народе. Когда я пел о народе—я пел и о себе, — говорит дальше Жамбул.—Когда же я пел о себе, я одновременно пел и о народе». Это замечательное качество народного глашатая, являющегося кровью от крови и плотью от плоти народа, умеющего использовать свой песенный дар для демонстрации этой связи, безусловно характерно для всего творчества Жамбула. На этой плодотворной и благородной почве органической связи с народом должен был пышно расцвести и, действительно, расцвел талант Жамбула, впитавший в себя обильные животворные соки богатейшего казахского фольклора. «Я бродил по кочевьям — свидетельствует Жамбул — пел народные былины, сказания, поэмы, произведения других акынов, иногда вставляя и свои песни». Жамбул не только акын-импровизатор, творец песен и поэм, но вместе с тем жирни-сказитель, знаток образцов восточной поэзии и казахского народного творчества. Однако при всех этих прекрасных возможностях личного дарования Жамбул не мог за 70 лет своей жизни развернуться во всю силу и рост своего таланта. Он мог петь только о суровой правде, о колониальной и феодально-байской действитель-

ности, о неслыханном бедствии и порабощении народа, о его надеждах на будущее. Лучшей наградой за это была любовь народа к своему певцу. Но за то же его ненавидели и боялись пуще огня стрел его ядовитых песен бай, муллы и ставленники царизма. Ярмо бесправия и угнетения, которое лежало на народе, тяготило и Жамбула. Жамбул угасал в тисках рабства.

«В 55 лет мне стало худо — рассказывает Жамбул.— От старости и тяжелых условий я стал сутул, как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб. Вместо домбры у меня в руках стала палка. Вместо широкой степи у меня стала узкая постель. Я угасал бессильный петь хорошие песни».

Но вскоре взошла заря счастья народов. Великая Октябрьская социалистическая революция укрепостила все ранее угнетенные народности, жившие в «тюрьме народов» — на территории бывшей царской России. Перед народами открылся широкий путь социалистического строительства. Вместе с народом возродились и творческие силы Жамбула. Полный кипучей творческой энергии, бодрый и жизнерадостный старик, с молодой душой — семидесятилетний Жамбул вновь засверкал своими чудными песнями о счастье народов, о радости и солнечном весельи. Прекрасно выразил этот этап своей жизни Жамбул в песне «Я возрожден».

«Позади — необъятный мой путь, но я вновь
Возродился, — горит в жилах молодо кровь,
И на десах пустых — пусть лишь кажется так —
Появились опять тридцать свежих зубов».

В установлении родной народу советской власти Жамбул видел осуществление вековой мечты, которая украшала бессмертные образы героев казахских народных поэм и легенд батыров Таргына, Камбара, Кобланды, скитальца-поэта мечтателя —

Асана-Кайгы, музыканта Коркыта, Исатая, Бекета и волнующий образ героя своей собственной поэмы «Утеген Батыр». Эти герои, наделенные в былинах и легендах лучшими чертами, соответствующими идеалу народа: героизмом, отвагой, безграничной любовью к родине, преданностью ее интересам, ненавистью к ее врагам, обычно преодолевали силой и храбростью только одно или несколько из препятствий, стоявших горами на пути безудержного стремления к счастью, свету и свободе. А Жамбулу, с жаром исполнявшему некогда поэмы, где воспеваются подвиги героев-батыров, удалось на старости лет увидеть эти подвиги уже не в мечтах, а в действительности. Причем эти подвиги, подвиги большевиков, подвиги всех трудящихся масс, сопровождались на глазах уже не только преодолением отдельных препятствий, достижением отдельных побед, а снятием всей горы препятствий, достижением таких неслыханных побед, которые обеспечили коренное преобразование мира и расцвет новой социалистической жизни. И батыры, которых увидел старый Жамбул, были и есть батыры другого масштаба, другого размаха. Это батыры человечества, гении всей планеты, батыры батыров. Жамбул с большим волнением рассказывает о своих первых впечатлениях об Октябре и советской власти. «Когда мне исполнилось 70 лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной армии. Вокруг меня закипела такая жизнь, о которой и пел в лучших песнях, как о золотом сне».

С тех пор каждый шаг, каждая победа великой Родины, имеющая всемирно-историческое значение, глубоко вдохновляют возрожденного певца народа на бодрые, простые, волнующие песни.

Печаль, горечь, столь характерные для старых песен Жамбула, уступают теперь место пафосу побед, чувству гордости и восхищения. Воспевает ли Жамбул большевиков, Красную армию, установление советского строя в казахской степи, освобождение казахских трудящихся женщин, конфискацию имущества казахских баев, ликвидацию кулачества как класса, — он находит нужные, идущие от самого сердца слова для передачи чувства радости и удовлетворения.

Казахская советская устная народная поэзия, представленная десятками и сотнями прекрасных народных акынов и жирши, особенно пышно расцвела в последние годы. В результате победы социализма в нашей стране, вызвавшей величайший документ нашей эпохи — Сталинскую Конституцию, которая отражает утвердившуюся у нас светлую, зажиточную жизнь, из недр народа выдвинулись талантливейшие певцы с соловьиными голосами, воспевающие цветущий сад социализма. Имена замечательной плеяды казахских акынов — Жамбула, Утепа, Оспантая, Жартыбая, Сапаргалия, Уркимбаева и др. — стали известными сейчас далеко за пределами Казахстана. Один этот факт резко опровергает клеветническую болтовню национал-фашистских бандитов Джансугуровых, Тогжановых, Сейфуллиных о том, что якобы революция несет гибель народному творчеству. Последние годы в творчестве аксакала акынов Жамбула явились целым этапом. Этот этап смело можно назвать Сталинским этапом. Во время декадника казахского искусства в Москве в мае 1936 г. Жамбул встретился со Сталиным. И Жамбул видел в Сталине — солнце счастья народов, причину своего собственного возрождения.

В «Песне о Сталине» он говорит:

«Я ходил по степям, я бродил между скал
Загорелый, обветренный и седой.
Девяносто лет я солнца искал,
И солнце предстало передо мной.
Сталин! Солнце весеннее — это ты...»

Надо сказать, что все, о чем ни поет Жамбул, что он ни славит — предстает перед ним в озаряющем свете золотых лучей этого солнца. Образ великого вождя народов ни на минуту не покидает мысли и чувства Жамбула, и он, девяностолетний певец, находит достойные вождя сравнения, теплые и искренние слова, чтобы ярко и свежо запечатлеть этот любимый образ. Жамбул прекрасно понимает, что в Сталине живет дело Ленина.

«Сталин, солнце мое, я понял в Москве,
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе» —
воскликает Жамбул в «Песне о Москве». Еще ярче говорит Жамбул об этом в другой песне — «В мавзолее Ленина».

«Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел — в них блещет жизнь твоя
И твой завет последний.
Я слышу — в Кремле твое сердце бьется,
Там твой любимый орел живет —
Великий твой наследник».

Поэтому, естественно, что Жамбул правильно воспринимает каждое замечательное явление нашей советской действительности, как осуществление дела Ленина и Сталина. Замечательное качество песен Жамбула выражается не только в этом, но главным образом в том, что орлиный взор девяностолетнего акына удивительно метко схватывает в каждой «мелочи» характернейшие проявления осуществления в жизни мудрых идей Ленина и Ста-

лина. Идет ли речь о счастье и братстве народов, о цветущем Казахстане, об испанских братьях, о Родине, о врагах народа, даже о таких частных явлениях жизни, как конь, зерно, кумыс и т. д.; везде руководит Жамбулом величавый лучезарный образ Сталина, который органически входит в сердцевину любой из этих тем и озаряет темы, придавая им политическую остроту, покоряющую силу оптимизма, простоту, лирический звон и убедительность. Вот полная лирического проникновения картина из его «Колыбельной песни», которая является ярчайшим образцом того, как художник сумел при помощи сверкающих красок и звонкой музыки слов выразить великую заботу Сталина о счастливых детях нашей социалистической Родины.

«Дремлет синяя звезда,
На джайляу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи.
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята,
Ты, малышка, тоже спи.
Засынай, малыш-казах,
Ты в испытанных руках.
Сталин смотрит из окошка —
Вся страна ему видна.
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой теплый крошка,
Отвечает вся страна».

Песни Жамбула — подлинно народны. В этом их могучая, покоряющая сила. Народность песен Жамбула заключается в том, что они верно и неподдельно выражают думы и настроения народа. Жамбул, знающий цену своих золотых слов «с народом

и родиной счастлив акын», наблюдает, интересуется, заботится о жизни всей страны, быстро и чутко реагирует на все крупные события в общественной жизни, глубоко их переживает, разделяет радость и горе партии и народа. Поэтому песни Жамбула действительны и политически актуальны. Они захватывают, покоряют, воспитывают, волнуют, потому что в них голос народа, голос правдивый и могучий, а акын поет именем народа «от всей души» (так и озаглавлена одна из песен Жамбула). Он приветствует и искренно восхищается всем, что укрепляет и украшает нашу Родину. Он хмурит седые брови и выражает гнев народа при первых вестях о черных намерениях и деяниях фашистских бандитов и их троцкистско-бухаринских, национал-фашистских наймитов. Он находит удивительно теплые, нежные и ласковые слова, когда говорит о наших детях, о прекрасной здоровой, розовощекой смене. В его голосе мужественно звенит металл, когда он поет об укреплении обороноспособности нашей страны. Он поднимается до пафоса, до патетики, когда в его песнях встает солнечный образ друга всего угнетенного человечества — Сталина. Во всех этих случаях мы видим певца патриота, беспредельно любящего и оберегающего свою Родину, всей душой ненавидящего ее врагов. Эти мотивы пронизывают все прекрасные песни Жамбула. Таковы, например, поэмы и песни «Моя Родина», «Песня о змеях», «Обращение к Красной армии», «Песня о батыре Ежове», «Поэма о Ворошилове», «Песня о братстве» и много других песен. С этим узловым мотивом творчества Жамбула переплетаются постоянные любимые Жамбулом мотивы ленинского интернационализма, братства и дружбы народов, темы о Сталине, о Сталинской Конституции, о соратниках Сталина — Калининне, Молотове, Ворошилове, Кагановиче, Ежове, о луч-

ших писателях и акынах Родины — Пушкине, Горьком, Лахути, Стальском, темы о детях и пр.

Неоценимой заслугой Жамбула перед всей советской поэзией является создание им в поэзии образа великого вождя всех народов Сталина. Песни Жамбула о Сталине — это ценнейший вклад в сокровищницу поэзии всех народов. Величавый, могучий, и в то же время простой, исполненный подлинной человечности гениальный образ Сталина встает в песнях Жамбула таким, каким его видят, знают и любят возрожденные народы. Эти песни Жамбула особенно просты, искренни, задушевные, подлинно народны. Жамбул умеет немногими словами передать не только живые черты «самого лучшего из людей», но и те чувства, которые вызывает вождь народов в широчайших массах. Изображая Сталина, Жамбул пользуется всем богатством поэтических средств, накопленных поколениями на протяжении многих веков. Его палитра щедра, сочна и многокрасочна. Его язык — это меткий, образный, живой язык казахского аула. Его образы — это лучшие образы старой и новой народной поэзии. Жамбул поет «полным голосом», «от всей души», с огромным подъемом и волнением о том:

«Чье слово, как гром, над вселенной гудит,
Чье слово, как ветер, по свету летит,
Чье слово, как солнце, встает над землей,
Народы ведя за собой.
Чье имя на полюсе, в снежной глуши,
Чье имя на самой большой из вершин,
Чье звонкое имя герои дарят
Реке, породнившей моря.
В чью славу весенние степи цветут,
О ком водопады гортанно поют,
Кому улыбаются капли росы
И звезды звенят «жасасын».

Она одинаково понятна, близка и дорога всем читателям Советского Союза, потому что содержание ее составляют единые, родственные всем народам интернациональные мотивы. Национальная по форме, поэзия Жамбула является социалистической по содержанию, интернациональной, общечеловеческой.

Тов. Сталин говорит:

«Пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. п. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм».

Поэзия Жамбула является проявлением той общечеловеческой культуры, к которой идет социализм.

Народы Советского Союза знают, любят и ценят аксакала народной поэзии Жамбула. Песни его звучат на языках всех национальностей Советского Союза.

Жамбул бесспорно является одним из самых популярных и любимых певцов нашей Родины.

Красноармеец ОЖДВА А. М. Сандалов в письме к Жамбулу говорит:

«Ваши песни вызывают во мне любовь к вашим произведениям и лично к Вам. Ваши произведения питают читателя современным духом — духом коммунистическим, который поднимает энергию к труду и любовь к своей Родине».

Забойщик-горняк, старый комсомолец, курсант артиллерийской школы В. А. Демидов прислал Жамбулу из города Томска письмо, в котором говорит:

«Не могу не выразить, отец Жамбул, необычай-

ной радости, какую переполняется мое сердце после каждого появления вашего стиха в «Правде» или «Известиях». Никто так красиво, никто так правдиво не выражает мысли, песни, радости о великом батыре и учителе и вожде тов. Сталине, как вы, дорогой отец Жамбул, — акын казахский. Да разве вы только казахский соловей. Песни ваши мы слышим в Сибири, песни ваши из уст в уста передаются русскими, турками, казахами, таджиками, людьми, которые счастья не знали, народами, которых и за людей не считали, людьми, которые зрячими стали, которым глаза на вселенную открыл Сталин. Милый Жамбул! Не может быть, чтобы ваши песни «о дружбе народов, о солнечном братстве, о щедром обильи, о пышном богатстве», не слышали бы в Испании; о самом великом, родном и любимом батыре Сталине не пели бы все пролетарии. Верьте, дорогой папаша Жамбул, — песни ваши прозвучат в веках, на всех человеческих языках. Ни на минуту не кладите домбры, любимый акын! Бейте звонче по струнам, Жамбул! Песня ваша греет в морозную ночь, песня и к бою заставляет готовиться лучше».

Поэт орденоносец Гасем Лахути обратился к Жамбулу с песней, написанной по-фарсидски.

«Запой; и всюду смолкнут соловьи,
Певцы иных садов, иных полей,
С восторгом песни слушаю твои,
Акын Жамбул, казахский соловей».

Ойротка-комсомолка Биянка Бармин прислала Жамбулу письмо по-ойротски. В этом письме говорится:

«В счастливом, как молодость, нашем краю,
Жамбул, я услышала песню твою!
Песня твоя поселилась везде
О мудром, великом, любимом вожде.

Теперь я, Жамбул, каждый день буду ждать.
Когда ты о нем нам напишешь опять».

Из горной Киргизии от лучшего акына Алымкула Жамбулу прилетела песня, сложенная по-киргизски:

«Тебе, мой старший брат, родной Жамбул,
Слагает песню сердца Алымкул!
И пусть она с вершины Ала-Тау
Летит в Кастек — счастливый твой аул.
Жамбул, к нам через горы и поля
Приходит слава громкая твоя
И твоего великого народа.
Я жду тебя, Жамбул, в своих краях».

Громкая слава Жамбула прокатилась по всем одиннадцати республикам. Слава эта вполне заслужена им. Жамбул, несомненно, является одним из самых замечательных певцов современности.

«Старость моя счастлива — говорит о себе Жамбул.— Народ меня уважает. Сам Сталин слышал обо мне и о моих песнях. Я был в Москве, — городе, который чудесней сказочного Гюлистана. Я видел Сталина и здоровался со Сталиным. Советская власть дала мне за мои песни орден Красного Знамени. Я сказал тогда и повторяю сейчас: «Награжден не я, награждена народная поэзия Казахстана». Я пою песни и буду петь их, пока бьется сердце. Сейчас, когда приближается второе десятилетие Великого Октября, я говорю всем акынам, ашугам и гафизам Советского Союза:

«Отдадим лучшие песни сердца другу и вождю угнетенных народов — Сталину. Пусть живет Сталин, великий мастер человеческого счастья!».

М. Каратаев.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА ¹

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе в голубой мавзолей.
Бессмертный, родной, любимый,
Не умер ты! Не лежишь в гробу.
С живым с тобой говорит Жамбул
И в сердце несет твое имя.

Стал мавзолей твой сердцем земли,
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь.
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Данишпан! ² Ты думал о каждом из нас.
Данишпан! Ты нас от шакалов спас,
Как солнце согрел миллионы.
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил.
Миллионы нас угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел в них блещет жизнь твоя

¹ Эту песню народный певец Казахстана Жамбул сложил
18 мая 1936 года после посещения мавзолея Ленина.

² Мудрейший.

И твой завет последний.

Я слышу, -- в Кремле твое сердце бьет
Там твой любимый орел живет,
Великий твой наследник.

На крыльях могучих он гордо несет
Победное славное знамя твое,
Он в бурях и грозах вырос,
И там, где орлиные взмахи легли,
Там счастье для всех угнетенных земли,
Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас.
Мой Ленин, живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрел миллионы.
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных!

Я завещанье оставлю им --
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтоб такими, как ты, они стали
И отдали сердце и каждый свой шаг
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому, чье имя -- Сталин!

(Перевод Павла Кузнецова)

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Я ходил по степям, я бродил между скал —
Загорелый, обветренный и седой.
Девяносто лет я солнце искал,
И солнце предстало передо мной.

Я стоял перед ним, лучами палим,
Обогрет, обласкан и освещен.
Я стоял перед ним, перед солнцем моим.
Словно видел волшебный, сказочный сон.

Сталин, солнце весеннее — это ты!
Ты посмотришь и, словно от теплых лучей,
Колосятся поля, расцветают цветы,
Сердце бьется сильнее и кровь горячеей...

Дважды юности в теле цвести не дано. —
Я — старик, у меня серебро в борбде,
Но увидеть тебя я мечтал так давно,
Что увидев, я сразу помолодел.

Снова юность, как чудом, Жамбулу дана —
Будто кровь, как кумыс, забурлила, звеня,
Будто снова моя разогнулась спина.
Будто белые зубы растут у меня.

Молодой — в свои девяносто лет, —
Жизнь прожив, как самый последний кедей¹.
Я принес тебе, Сталин, народа привет
И любовь возрожденных тобою людей.

Что мы знали? — Тоску, нищету и мрак.
Что мы видели? — Цепи, камчу² и штык.
Богатые держали нас хуже собак,
В темноте угасал наш подавленный крик.

Но, как солнце взойдя, разгоняет мрак,
Ты пришел, и народы тобой спасены.
И сковали мы герб, и подняли мы флаг
Самой светлой и самой счастливой страны.

Сталин — солнце! Гори, не сгорая, в Кремле.
Мы несем тебе — песни, сердца и цветы.
Нет на всей неоглядной планете — земле
Человека, нужнее народу, чем ты.

(Перевод К. Алтайского)

Кедей — бедняк.
Камча — плеть.

ПРИВЕТ НАРОДА

Песни рождались в аулах степных,
Песни истерзанной рабством страны,
Песни в столетьях ползли, как пески,
Песни печали, нужды и тоски...

Семьдесят лет я сквозь слезы шел,
В юртах дырявых, в голодной толпе,
В холодных кстау ¹ и в нищих аулах
О жизни тяжелой, как груз саксаула,
О жизни крутой, как оленья гора,
Пела надтреснутая домбра!

Радость моя пришла в Октябре,
Радость принес московский декрет.
Я с новой песней пришел на котан ²,
И вместе с Жамбулом запел Казахстан.
С тех пор, как юнец, я от счастья горю,
Я родине лучшие песни дарю.
Как сад Гюлистана, степь зацвела,
Богатую юрту мне жизнь дала.
Чудесный она постелила ковер
Мне от Син-Цзы до Уральских гор,

¹ Кстау — зимовка.

² Котан — центр аула.

Она мне разгладила складки на лбу.
Шагает помолодевший Жамбул,
Народу его навсегда отданы
Богатства великой счастливой страны.
Медь Карсакпая, свинец Кара-тау,
Долины цветущего Ала-тау,
Сокровища белой алтайской руды
И черное золото Караганды,
Эмбы горючей густые фонтаны,
Реки, моря и леса Казахстана,
Хлопок Чимкента, богатство отар,
Душистые яблоки Алма-Ата.
И больше глаза мои не встречали
Прежнего горя, нужды и печали.
Рука степняка поезда повела
В бескрайних пустынях Бетпак-Дала.
В степях по аулам несется молва —
Акына Жамбула встречает Москва.
Товарищ Молотов! В дар прими
Простые, народные песни мои.
В сердце я имя твое сохранил,
Великого Ленина ученик,
Великого Сталина верный друг.
С ними и ты мое счастье ковал,
С ними и ты декрет подписал
И радость вселил в миллионы сердец.
Привез эту радость народа певец.
Струны Жамбула звенят по Москве:
— Тебе от колхозных аулов привет!
— Тебе от счастливых степей привет!
— Тебе от народа сердечный привет!

(Перевод Павла Кузнецова)

КЛИМ БАТЫР¹

Чингис-хан, с твоей сабли кривой
Кровь стекала густою струей.

Где ступала твоя нога,
Степь лежала мертва и нага.

Там, где двигались орды твои,
Утопали народы в крови.

Ты был хищник, палач и тиран,
Вот в чем слава твоя, Чингис-хан...

Ты умел только жечь и рубить,
Не могу тебя с Климом сравнить!

Клим тебе, Чингис-хан, не чета,
Ему славу кричат кречета.

Не потоки крови и слез, —
Ворошилов нам счастье принес.

И счастливый, свободный народ
Другом Сталина Клим зовет.

Славен был легендарный Али² —
Дау³, якобы, мог он свалить.

¹ Клим — К. Е. Ворошилов; желая высказать уважение, казахи называют его не по фамилии, а по имени.

² Али — один из ближайших соратников Магомета, окруженный легендарной славой.

³ Дау — великан, самый сильный человек на земле.

Не удержи-де его Израил¹,
Он бы землю на плечи взвалил.

Так несла его славу молва,
Но ведь это — одни лишь слова,

Это вымысел мулл и ложь,
Только в сказках Али хорош.

Как я Клима сравню с Али?
Силу Клима мы видеть могли.

Пой, акын, силу Клима славь,
Его сила не сон, а явь!

Клим арстаном² сражался в боях,
Он не знал, что такое страх,

В годы трудной, большой войны
Разбросал он врагов страны.

Неспроста возрожденный народ
Другом Сталина Клима зовет.

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен!

Искандер³ был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем⁴).

У киргизов был славен Манас,
Кене-хан был в степях у нас...

1) Израил — ангел смерти.

2) Арстан — лев.

3) Искандер — Александр Македонский.

4) Рустем — батыр, воспетый в „Шах-Наме“ Фирдоуси.

Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны.

Полководцы вели полки,
И знамена вились высоки.

Но их слава недолго цвела,
Кратковременною была.

Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит,

И в залитых кровью степях
Оставался от славы — прах...

Ты один звездоносец Клим,
С полководцами не сравним.

Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет.

Ты народом крепко любим
И поэтому непобедим.

Тебя Ленин учил борьбе,
Тебя Сталин учил борьбе,

Ты мужал, закалялся в борьбе,
Нет по силе равных тебе.

Климу-джан¹ я подарок ищу,
В табуне жеребенка рощу.

Тонконового сосунка
Холю, словно родного сынка.

¹) Джан — душа.

По весне сосунок будет тай¹,
Станет шерстка нежна и чиста.

Подрастет, будет резвый кунан²,
Подивится ему Казахстан,

А потом зашумят по стране
О чудесном дунен³ скакуне.

Май повеет душистым теплом,
Станет конь мой ходить под седлом,

Через реки и горы скакать
И в дороге не уставать.

И тебе, Клим, кто равен звезде,
Я вручу драгоценный дар —

Это будет в узорной узде
Золотой, огнегривый Тулпар!⁴»

(Перевод К. Алтайского)

1) Тай — однолетка.

2) Кунан — двухлетка.

3) Дунен — трехлетка.

4) Тулпар — легендарный крылатый конь.

АКСАКАЛУ КАЛИНИНУ ¹

Здравствуй, здравствуй, долгие годы,
Кровный брат мой, чей пост велик!
Вновь мы вместе — седобородый
Аксакал и Жамбул — старик.
Ты в аул наш освобожденный
Прошлой осенью приезжал,
Вышей истиной умудренный,
Там ты руку мою пожал...
В наш колхоз, чье имя — «Калинин»,
Ты, Калинин, приехал сам;
Было там торжество-мейрам,
Отдал степь ты навеки нам,
В край, что некогда был пустынен,
Путь открыл ты земным дарам.
Расцветает хозяйство наше,
Взрыта трактором целина.
Не видели мы весен краше,
Чем Калининская весна.
Вот на пастбище верблюжата
За верблюдицами спепят,
Возле маток своих ягнята
По душистым травам кружат,
И колхозные жеребята
Ржаньем душу нам веселят;

¹) Аксакал („белая борода“) — самый старший.

Пастухи тот скот сторожат.
«Степь должна быть скотом богата» —
Так сказал ты нам, друг и брат.
Скот наш вырастет во сто крат...
В горле песенника — жирши,
Песня праздничная, журчи!
Светит солнце сегодня всем,
Мой сегодня привет-салаем
Михаилу, сыну Ивана.
Я приехал ему сказать —
Посети нас, братец, опять,
Мы зарежем тебе барана,
Средь известных тебе степей
Будь почтеннейшим из гостей!

(Перевод Марка Тарловского)

ПЕСНЯ О ДРУГЕ СТАЛИНА

Меж Ер-Назаром¹ и шумной Москвой
Гребни Уральских гор,
Степи, луга с изумрудной травой,
Волга, сияющая бирюзой,
Яшмовый блеск озер...

Если бы мне снарядить караван
И на верблюжьем горбу
Ехать в Москву сквозь росу и туман,
Я проклинал бы судьбу.

Сдохли бы все мои верблюды,
Дождь бы размыл следы,
Я бы покинул аул молодым,
Прибыл в Москву — седым...

Но не седлал я себе верблюда,
И не седлал коня,
Мчали сквозь степи твои поезда
Легче журги² меня.

Волны бежали в густой траве,
Степь утопала в цветах.

¹ Ер-Назар — аул, родина Жамбула.

² Журга — степной иноходец.

Поезд от Алма-Аты к Москве
Повел машинист-казах.

Поезд не опоздал ни на час,
Во-время прибыл он.
Твой, Каганович, могуч приказ,
Слово твое — закон.

Армию смелых ведешь за собой.
Сталинец верный ты.
И засиял семафор звездой,
Рельсы легли, и над сизой водой
Встали стальные мосты.

А в Казахстане — гриваст, красив,
Словно миллионом копыт,
Огненный и вороной Турксиб
Звонко в степях гудит.

А в Казахстане цветет душа,
Радуюсь быстрой езде
От глубокого, как день, Балхаша
К черной Караганде.

Это все дело твоей головы,
Труд твоих крепких рук,
Смелый и сильный, как сильны львы,
Сталинский близкий друг!

В недра земли я в Москве попал,
В мраморное метро.
Там, как от сказочных опахал,
Веет прохлада ветров.

Поезд подземный летит стрелой,
Лестница, как водопад.
Лампочки в этом дворце под землей
Ярче созвездий горят.

Нет, ни в одной из подлунных стран
Так не поют сердца!
Нет никогда и сильнейший хан
Не жил в таких дворцах.

Ты, Каганович, метро создал,
Подвиги ты вдохновлял,
Первым лопату ты в руки взял,
Недра земли ты первым копал,
Первым давал сигнал...

Пусть в тебе силы кипят и растут,
Будь ты здоровьем богат,
И вдохновляй возрожденный люд
На большевистский доблестный труд,
Сталина, младший брат!

(Перевод К. Алтайского)

Я СЛЫШАЛ СТАЛИНА

Снега Ала-тау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят,
Звезда серебристая, и в яблонный сад
По радио вести летят.

Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь.
В Испании — кровь, в Манчжурии — кровь
И в Абиссинии — кровь...

Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят,
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.

Волнуется мир, тишина разлилась,
Настал на земле исторический час.
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в степях, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белоруссы в полях —
Народы, чтоб каждое слово сберечь,
Слушают Сталина речь.

В ней пламя бушует, в ней мощь налита,
В ней сила, уверенность и красота,

В ней веет отцовская теплота,
Она кристально проста.

Слова Конституции миру звучат,
И каждое слово — теплее луча,
Светлее зари, яснее звезды,
Свежее, чем в августе плоды.

Ну как мне забыть этот день в ноябре,
Ну как мне не петь, не играть на домбре,
И сердцем к отцу всех народов летя,
Не радоваться, как дитя.

Ты первый из гениев всех времен,
Ты дал всем народам счастливый закон.
И я говорю тебе вместе с страной:
Спасибо, Сталин родной.

(Перевод К. Алтайского)

ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Жамбула!
Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.
Законы Аллаха, законы Абая,
Законы кровавого Николая.
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот продавали.
По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шею народа сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.
Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Жамбула!
Маленький след — дорогу рождает,
Море — из родника вырастает,
Из камня — упругая сталь выходит,
Из слова — рождается мудрость в народе,
От жизни счастливой — рождаются дети,
Самые радостные на свете.
А с ними в колхозе рождаются песни
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам.
Слушайте, степи, акына Жамбула!
Слушай, Кастек, Каскелен, Каракон,
Я славлю великий советский закон.
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.
Закон, по которому вольным жигитам
К подвигам смелым дорога открыта,
Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.
Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.
Пойте, акыны, пусть песни польются!
Пойте о Сталинской Конституции.
С песней, акыны, идите на сходы
С песней о братстве великих народов,
С песней о родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.
Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрый, любимый отец!

(Перевод Павла Кузнецова)

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

Коня мне седлайте. Мне юрта тесна.
Над степью плывет голубая весна.
Запели у юрт черноглазые кыз.
Запенился нежный душистый кумыс.
Над гнездами вьются веселые птицы,
И ржаньем зовут жеребят кобылицы, —
И белые лебеди в небе плывут
Над степью зеленою, как изумруд.
Цветущая степь! Ты волшебней мечты:
Огнем самоцветов сверкают цветы.
Пурпурные маки пылают, как пламя.
Степные тюльпаны блестят лепестками.
Как крупные яхонты, розы горят,
И белые лилии льют аромат.
Но песни весенней чудесней и краше
Цветешь ты, любимая родина наша.
Одиннадцать стран в окруженьи врагов
Цветут как одиннадцать пышных садов.
Звенят победителей голоса,
У нас богатырские чудеса.
Не мало героев шагает меж нами,
Чьи гордые груди горят орденами.
Ни грозы, ни бури для нас не опасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны.
Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадой вселенной зовет.

Наш век громыхал канонадой походов,
Наш век стал весною счастливых народов.
И песня, как солнце и кровь горяча,
И жизнь, как и степи, сияет в лучах.
Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя,
И клич большевистский его боевой
И слово, и воля, и гений его.

(Перевод К. Алтайского)

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ

Снова звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной, и с ней
Снова несется по дальним аулам
Пылкое сердце акына Жамбула.

Я прошлое в песне своей вспоминаю,
Я в песне шакалий заман¹ проклинаяю,
Заман, при котором из года в год,
Как зимние ночи, стонал народ.

Забудет ли степь ненавистный заман,
С востока на запад прошел Чингис-хан.
Его стремениосцы пощады не знали,
На месте аулов — барханы развалин.
Ханские нукеры оставляли.
Резали скот, людей наших били,
Девушек наших с собой уводили,
Позорили их и в пустыне бросали,
Вражду вековую в степях разжигали
И сговором баев да беков
Стравили казахов, киргиз и узбеков.

Пока же кипела, как пена, вражда,
Они забирали степные стада,

¹ Заман — время.

Богатства джайляу¹, пастбище, воду, —
Могилу глубокую рыли народу.
Но самая грозная, самая злая
Над степью летела метель Николая,
Коршуна царского черная сила
Лучших сынов из степей уносила.

Забудет ли степь, как Октябрь пришел,
Тогда мой народ свою радость нашел,
И счастье аулам родным принесли
Ленин и Сталин, батыры земли.

От Бухары до истоков Иргиза
Братались узбеки, казахи, киргизы,
Братались монголы, уйгуры, дунгане,
Братались калмыки, грузины, армяне,
И от Кавказа до Бетпак-Дала
Великая дружба народов росла.

Она расцветала, как склоны Алтая,
Великая дружба, большая, святая,
И с ней расцветала в горячих боях
Любимая родина, радость моя.

Народ мой счастливый могуч и богат,
Но слышу я дальнюю поступь врага,
И песни народного гнева несутся
Оттуда, где братья испанские бьются
С фашистскою гадиной, волчьей стаей,
Оттуда, где борются братья Китая,
Оттуда, где в грозном последнем бою
Народ добывает свободу свою.
И там мое сердце и песня моя
С братьями вместе в суровых боях.

Пусть же звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной моей,

¹ Джайляу — летнее пастбище.

Сегодня несет эту песню певец
Тебе, мой любимый, великий отец.

Тебе, несравненный учитель мой Сталин,
С тобой мои степи счастливыми стали.
А в сталинском нашем саду зацвели
Одиннадцать гордых жемчужин земли,
И песни счастливые радостно льются
О Сталинской солнечной Конституции,
Песни колхозов, степей и заводов,
Песни о братстве великих народов.

(Перевод Павла Кузнецова)

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Горд и счастлив я, старый Жамбул,
Мое сердце поет, как струна.
Меня слышит не только аул.
Меня слушает вся страна.
Через степи и через Урал,
Через Волгу и через поля
Поезд, словно Тулпар¹, меня мчал.
Силой пара и силой угля.
И за то, что я мчался, как ветер, к Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ай, как родина хороша,
Ай, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа,
По рукам пробегает дрожь.
Я б еще девяносто лет
Жил, как самый последний кедей²,
Чтобы час побывать в Кремле,
Чтобы вновь посетить мавзолеей.
И за то, что я песни пою о Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!
В сердце мира стоит мавзолеей,
Спит в нем Ленин в сени знамен...

¹ Тулпар — легендарный крылатый конь.

² Кедей — бедняк.

Но живительный свет земли
И в гробу излучает он.
У него ума — океан,
Грел людей он сердцем большим.
Он был храбр и могуч, как арстан¹,
И в борьбе был несокрушим.
Сталин, солнце мое, я понял в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский привет в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с домброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей —
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович, ты Сталину друг,
Поезда твои славит Жамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул.
И за то, что вождь воспитал нас в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет,
Счастлив русский, грузин, казах...
Наша родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях.
А границы зорко хранит

¹ Арстан — лев.

Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит,
Клим-батыр, первый кзыл-аскер¹,
И за то, что винтовка готова к стрельбе
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

У меня халат из парчи,
Кунный мех на шапке моей,
А вокруг цветы и лучи,
И улыбки весны светлей!
Счастье родины расцвело,
Словно яблонные сады,
Под твоим орлиным крылом
Мы живем, не зная беды.
За счастливую светлую жизнь на земле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ты эпоха — подруга моя,
Комсомол — ты ровесник мой!
Уезжая в степные края,
Я пою с родною страной:
Сталин — в каждой мысли у нас,
Сталин — в каждом сердце у нас,
Сталин — в каждом деле у нас,
Сталин — в каждой песне у нас.
Твоя жизнь кипит в труде и борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

(Перевод К. Алтайского)

¹ Кзыл-аскер — красноармеец

ПЕСНЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Посмотри на вершины гор,
Посмотри на степной простор,
На широкий огонь зари,
На становище посмотри.
По степям из конца в конец
Табуны дорогих овец
Оставляют свои следы.
В Кара-Кум идут верблюды,
На Чимкент идут верблюды,
От Джаркента до Кызыл-Орды
Все колхозные верблюды.
А на пастбищах велики
Лошадей степных косяки.
Словно беркут, песня моя
Улетает вперед звеня.
На восток, и на юг земля,
И на запад, на север земля
Вся колхозная, вся моя.
Я старший жирши. Я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чием люблю и Аяк:
В них живет счастливый казах.
И над ними, как в новый год,
Утро солнечное встает.
Кто принес это счастье к нам,
К заилийским белым горам?

Я, старейший Жамбул жирши,
Восклицаю от всей души:
Для казаха в любой колхоз
Это счастье Сталин принес!
Это имя, как солнца свет,
Сталин, словно горный рассвет.
Сталин, слово степной орел,
Счастье солнечное привел.
Он великий и сильный друг.
Это счастье из солнечных рук
Взяли мы. . . И хотя я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чиен люблю и Аяк,
Где впервые понял казах,
Что над ним, словно в новый год.
Утро солнечное встает.
Эту песню поет жирши.
Эта песня от всей души.

(Перевод А. Алдана)

Я ВОЗРОЖДЕН

Позади — необъятный мой путь, но я вновь
Возродился, — горит в жилах молодо кровь.
И на деснах пустых — пусть лишь кажется так —
Появилось опять тридцать свежих зубов.

Кто раздал мои плечи, подняться помог
На гору вдохновенья, кто сердце зажег
И призвал со старинной подругой домброй
Старика, что, как нар старый, навек залег?

Потускнев, угасал моей жизни костер,
Но ты пламя раздул, неба поднял шатер,
Сталин — солнце, герой, воплотивший в дела
Лучших песен мечты, песням давший простор.

И к тебе я приехал, усталости нет,
И со мною — акыны. Ты ими воспет,
Вождь и друг, мудрый Сталин. Тебе мой народ
Осчастливленный, — шлет и восторг и привет

И мой стих и душа, и все тайны ее —
Пред тобой все открыто, и домбра поет.
И все лучшие песни и песенный дар
Посвящает тебе мой священный народ.

Необъятен мой край, степи так велики,
В них границы одни от других далеки.
И к тебе наша преданность, наша любовь,
Как мой край, необъятны, — как степь,
широки!

(Перевод Л. Архангельского)

ПОБЕДЫ И РАДОСТИ ГОЛОС ОРЛИНЫЙ

Я с песней души на твои именины
Иду из далекой Кастекской долины —
Великая, вечная правда моя
Победы и радости голос орлиный!

С лучами весны моей яркой зарницы
Сравнишь ли твои золотые страницы,
Ты партии зоркий всевидящий глаз,
Пронзающий все рубежи и границы.

Ты знамя победы, вершина стремлений,
Ты всюду живущий с народами Ленин,
Ты Сталина побеждающий ум,
Ты гордый маяк молодых поколений.

Ты радость для всех обездоленных мира,
Ты наша отточенная секира.
Разящая черную свору врагов
Могучую силой народа-батыра.

Ты всюду в степях, городах и аулах
Горячую силу страниц развернула.
Лучи твои вывели из темноты
Искусство народа и песни Жамбула.

Ты знамя победы, вершина стремлений,
Ты вечно живущий с народами Ленин,
Ты Сталина всепобеждающий ум,
Ты гордый маяк молодых поколений.

Я с песней души на твои именины
Иду из далекой Кастекской долины —
Великая вечная правда моя,
Победы и радости голос орлиный!

(Перевод П. Кузнецова)

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Звени первомайскою песней, земля!
Лети, первомайская песня моя,
Молодость жизни как солнце встает,
Ковер изобилия стелет земля!

Народ мой из нор вековых и берлог,
Из вечных могил, из холодных берлог,
Вышел за Лениным в Октябре
На самую солнечную из дорог.

Цвети, моей родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад.
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

Выше ты вырос, как гордый чинар —
Красавец востока могучий чинар —
Народ мой — хозяин цветущей земли,
Хозяин степей, городов и стар.

В глубоких ущельях деревья растут.
Жемчужные реки в долинах бегут,
А гордые горы над Алма-Ата,
Как слава и сила народа, встают.

Бескрайняя степь пробуждалась от сна,
Проклятых столетий тяжелого сна,

Юности дар отдаёт старикам,
И вечную юность встречает весна.

С цветами поёт наш торжественный май,
Сердца зажигающий пламенный май.
Встречает, как счастье, и молод и стар
Под Сталинским солнцем чарующий май.

Цвети, моей родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад.
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

Солнце, ты счастье повсюду раздай,
Песни и наше тепло разливай,
Лучами горячими рви рубежи,
Пусть всюду проходит наш солнечный май.

Солнце, скажи, что душою Жамбул —
В Киргизии, там, где поёт Алымкул,
И в Грузии солнечной и в Кабарде,
И там, где Мадрид, как батрацкий аул!

Цвети, моей родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой чарующий сад.
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О, солнце, ты песню Жамбула разлей,
Ты песню великих народов разлей,
Повсюду, где праздника майского ждут,
Повсюду, где люди живут на земле.

Пусть счастье сияет и радость горит.
Пусть беркут победы над миром парит,
Пусть с нашею песнею шар земной
Голосом радости заговорит.

Ты, солнце! Улыбки твои горячи.
Ты, солнце! Подарки твои горячи.
Ты ханам, царям и владыкам земли
Свои равнодушно бросало лучи...

Но Сталин душой, что тебя горячей,
Теплее твоих жизненных лучей,
Заставил тебя для народа пылать
Костром, зажигающим души людей!

Цвети, моей родины солнечный сад.
Лети, соловей, в мой ликующий сад.
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О, солнце! Ты знало ли в мире закон,
Ты, солнце, видало ли в мире закон,
Светлее тебя и теплее тебя —
Сталинской радостной жизни закон!

Моя Конституция — это цветы
В долгих столетиях рожденной мечты.
Солнце, как счастья бессмертный родник,
Моя Конституция — Сталин и ты!

(Перевод Павла Кузнецова)

ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА

Жамбулу девяносто лет..
Я пел всю жизнь. Я стар и сед.
Но стал на старости кедей¹
Счастливей всех людей!

Я счастье выразить смогу-ль?
Расцвел я, как душистый гуль².
Мне Сталин молодость вернул —
Помолодел Жамбул.

Беру я орден и пою
И клятву верную даю —
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ,
Орлом над степью проплывет,
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны.
Жить стало лучше, веселей
На родине моей.

¹ Кедей — бедняк.

² Гуль — цветок.

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Жамбул с любимой домброй.
Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов.

А песню лучшую мою
О Сталине я пропою,
Ее со мною запоет
Счастливым мой народ.

Ты, Сталин, — солнце наших дней,
Ты всех дороже и родней,
Тебе несем тепло сердец
Мудрейший наш отец!

Я, вдохновляемый тобой,
Поеду в Казахстан домой,
И будет песнь моя звонка,
Как небо, высока.

Я по степям родным пойду,
Я песней путь в сердца найду,
И буду петь все веселей
О родине моей.

(Перевод К. Алтайского)

ПЕСНЯ СЪЕЗДУ

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акынов счастливых степей,
Привет от Кастекских цветущих аулов,
Избравших на съезд делегатом Жамбула!

С домброй я горячее сердце привез,
Я новую песню в подарок привез,
Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый съезд!

Смотрю я на степь.
В ней горела трава.
В покинутой юрте гнездилась сова.
Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...

Молились бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.
Хранил каракурт надмогильный саман
В проклятый народом заман...

Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,
И шел задыхаясь мой караван
В проклятый, суровый заман...

В миражном тумане струился родник.
Судьбу проклиная, шагал проводник.
Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман...

Смотрю я на степь.
Ей конца не видать.
Смотрю я на степь.
Мою степь не узнать!

Где тропы хранили верблюжьи следы. —
Цветут плодородные наши сады.
Где с ветром катались в Дарью катуны —
Пасутся бесчисленные табуны.
В песках, где голодный скитался казах, —
Струится река человеческих благ.
Где кляча ходила со сбитой спиной —
Летит златокрылый тулшар вороной.
Где баи царили да панская кость,
Где даже собаке не сладко жилосьь,
Где жажда и голод да смерть кочевали,
Где песни народные умирали,
Где рвал нашу радость стервятник двухглавый —
Восходит

Союзной Республики слава
И режот одиннадцать гордых знамен!
Приветствую сталинский мудрый закон!
Закон, по котсрому в славный заман —
Республикой счастья цветет Казахстан!

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастье пою
Широкою песню, как море небес,
Тебе, уважаемый съезд!
Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.
Как слава жигита, красива она —
Бескрайняя наша страна.
Как беркут она белоплечий вольна —

Свободная наша страна.
Как волны Арала в прибое сильна —
Могучая наша страна.
Бурлива, как гордая кровь скакуна, —
Чудесная наша страна.
Песни души, что весельем полны, —
Как золотые звенят стремена.
Для всех поколений, на все времена
Сталинским сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

(Перевод Павла Кузнецова)

ПЕСНЯ НА ВСЕКАЗАХСКОМ ТОЕ ¹

Достиг воплощенья мечты мой народ.
Как сталь без зубрин — казахский народ
Я славлю рожденье страны — Казахстан —
В чудесный, сияющий радостью год.

Народ мой, прими поздравленья мои,
Ты в доме большом ² встретишь ясные дни.
Ты раньше был темным и хмурым, — теперь
Счастливой серебряной песней звени.

Как мост, наша власть и мосту не упасть.
Крепим мы его, как железная снасть.
На радость народу, на горе врагам,
Живи, укрепляйся, советская власть.

Лети, моя песня, из аула в аул, —
Вплетайся в веселый и праздничный гул.
С народом и родиной счастлив акын —
Захваченный радостью старый Жамбул.

(Перевод К. Алтайского)

¹ Той — пир, праздник. Песня спета в 1924 году на народном празднике, посвященном созданию Казахстана.

² Большой дом — страна.

ПЕСНЯ ГНЕВА

Ненависть в сердце Жамбула горит,
В жаркой крови моей гнев говорит.
Песня кипит, возмущенье струя,
Ядом отравлена песня моя!

Клокот песни, кипенье и гул
Ползут, как пожар, из аула в аул.
Бушуй, моя песня! Я передам
Ненависть к трем взбесившимся псам.

Первого пса Троцким зовут,
Он кровожаден, бешен и лют.
Второго пса Зиновьевым кличут,
У третьего Каменева обличье.

А с ними шакалья семья поднялась
Из ям, где зловоние, падаль и грязь.
Завыл в жажде крови взбесившийся Троцкий,
Завыли фашистские подголоски.
И темную страшную ночь оглашая,
Завыла шакалья трусливая стая.

Вот они — лгут, продают, предают,
Вот они — тихо на брюхе ползут,
Вот они ночью — беззвездной, сырой
В Сталина целят...
Изменники, стой!

Наши глаза горят и во мраке,
Прочь, шелудивые злые собаки.
В кого вы хотели, злодеи, стрелять?
Хотели огня у народа отнять.

Кому вы готовили пули и яды?
Хотели отнять наше счастье и радость,
Хотели убить вождя всех племен,
Всех народов и всех времен.

Хотели солнце земли погасить,
Сердце Сталина остановить.
Голос народов гремит водопадом:
Вы просчитались, проклятые гады.

Никогда змее в облаках не бывать!
Никогда верблюду орлом не летать!
По морской воде паровоз не пойдет,
По сухой земле не пойдет пароход.

Шакалу звезды не укусить,
Солнца собаке не погасить.
Сталин — солнце наше и с ним
Мы побеждали и победим.

Мысли кипенье навеки с ним,
Сердца биенье навеки с ним,
Душа народа навеки с ним,
Песня народа навеки с ним.

А собакам поганым, бешеным псам,
На брюхе из ямы ползущим к нам,
Приговор вынесен в каждом ауле —
Каждой собаке в череп по пуле!

(Перевод К. Алтайского)

ПЕСНЯ О ЗМЕЯХ

Опять зашипели проклятые змеи,
Чешуйчато-склизкие, серые змеи,
В счастливой, пронизанной солнцем, стране.
У каждой змеи — язык раздвоенный,
Губительным ядом в ночи напоенный,
Готовящий верную смерть в тишине.

Фашистские змеи, троцкистские змеи —
Всех гадов земли смертоносней и злее —
Народам несут они гибель и мрак.
Скрывают они ядовитые жала,
Подлее они шелудивых шакалов
И злее взбесившихся диких собак.

Шипучая свора, змеиная сила
Ползет от зари и дневного светила
Во мглу и к болотной гниющей воде,
Чтоб в щель заползти, в приоткрытую дверцу,
Чтоб жалить без жалости в самое сердце
Народных героев, народных вождей.

Презренные твари, жестокие гады
Таятся в тени и следят из засады..
Но крикнут хозяева: «Айт»!¹ «Грызи»!
И сразу движенье в змеиной их банде,

¹ Айт — „ Ату“ — приказ собаке хватать

Покорные лютой фашистской команде
Ползут по пескам, по камням, по гризи.

Мы страха не знаем. Не страшны нам змеи.
У этих ползущих и склизких злодеев
Смертельное жало, но короток хвост.
По воле народа мы вышли в дозоры,
Разроем змеиные грязные норы,
Разрушим скопление поганых их гнезд.

Тому, кто получит проклятье народа
Откажут в приюте и земли и воды,
И горы ночлега ему не дадут.
Так пусть подыхает змеиная стая,
Народы ее навсегда проклинаяют!
И страстную, жаркую ненависть шлют.

Закон наш, как солнце среди небосвода.
Закон беспощаден с врагами народа.
Так пусть же трепещут народа враги, —
Обрушим священную силу закона,
Растопчем всех змей, перебьем скорпионов,
Раздавим змеиные языки.

Мы жизненный опыт копили веками,
И опыт нас учит бороться с врагами,
Быть твердыми и беспощадными к ним.
— «Когда мы змеиную голову давим,
То хвост у змеи остается живым...»

(Перевод К. Алтайского)

ОБРАЩЕНИЕ К КРАСНОЙ АРМИИ

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вели тебя Ленин и Сталин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть сковала в боях,
Мужали жигиты твои на конях.
За землю, за воду, за солнечный свет,
Ты билась на всех фронтах.

Пытались враги на советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и баи сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Ала-тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят.
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долины розовеет заря.
Зреют хлеба золотей янтаря.

Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как в дни Октября.

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная армия, взвей над землей
Знамена священной войны.

Ты бейся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтожения врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Жамбул, с певуньей — домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой!

(Перевод К. Алтайского)

ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ

Казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах утопая.
Урюк зацветает в узбекских садах.
Тюльпаны цветут на таджикских горах.
Любимая родина в радостном пеньи
Объята весенним могучим цветеньем.
Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой весны.
Но слышу я, хмуря суровые брови,
Удушливый запах железа и крови,
И уши акына Жамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.
Хотел бы и песню и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!
Бушует в вас сила огня горячей —
Громите смелее своих палачей!
Над вами священное плещется знамя —
Я песней глянусь вам — победа за вами!
Мы так же боролись и взрывы, и громы,
И кровь, и лишения нам были знакомы.
Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.
С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!
Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями,
Как наше, — победное, светлое знамя.
Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

(Перевод К. Алтайского)

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТАМ¹

Вы здоровы, ребята? Я рад.
Словно пчелы, детишки жужжат.
Я, Жамбул, со старинной домброй
Очень рад погостить у внучат.

От годов, как верблюды, я горбат,
Но люблю я улыбки ребят.
Вы похожи, внучата мои,
На степных сосунков-верблюжат.

Мир для вас беспечален и прост,
Ночь несет вам мерцание звезд.
Солнце ласково льет вам лучи
И лелеет счастливый ваш рост.

Сталин, самый большой из людей,
И отца вам и братьев родней.
Сердце Сталина греет, как луч,
Всех племен и наречий детей.

Всех кудесников Сталин добрей,
Он прислал вам токи букварей,
Целый ворох игрушек и книг,
Чтобы лучше жилось детворе.

¹ Песня спета 8 февраля 1937 года во время посещения Жамбулом детского дома.

Сталин, словно чинар вековой,
Величав его ствол золотой,
Каждый листик его — бриллиант.
Хорошо вам под этой листвою!

Вашей радостью Сталин живет,
Он успехов в учении ждет, —
Не бегите от книги — она
Золотые ключи принесет.

Пусть запомнит казах-пионер:
Сталин самый высокий пример,
Самый мудрый из всех мудрецов,
Самый лучший отец из отцов.

(Перевод К. Алтайского)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Жамбул.
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой

Дремлет синяя звезда.
На джайляу¹ спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята —
Ты, малышка, тоже спи.

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье,
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш.
Спят цветы, озера, земли,
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?
Засынай, малыш казах,

¹ Джайляу — летнее пастбище.

Ты в испытанных руках.
Сталин смотрит из окошка,
Вся страна ему видна.
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой теплый крошка,
Отвечает вся страна.

Ты один из сыновей
Светлой Родины своей.
О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.
С детской голубой поры
Получаешь ты дары.
Их страна несет с любовью.
В час, когда дрожит звезда —
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк.
И просторы всех дорог.
Хор весенний соловьиный
Для тебя в садах поет.
Все цветущие долины,
Все заводы-исполины,
Руды, золото, рубины,
Это, милый, все твое.

Звезд ясней твои глаза,
Мягче шелка волоса.
Сложен складно ты на диво,
Ты собою красишь мир,
Проживешь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный, завтрашний батыр.

Мы росли совсем не так,
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, жигитом будь.
Пред тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Запагаешь прямиком.
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь,
Вырастешь большевиком.

Засыпай, малыш казах,
Кзыл-аскеры¹ на часах,
Отошли навек напасти,
Не вернется горе к нам.
При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье —
Малышам и старикам.

(Перевод К. Алтайского)

¹ Кзыл - аскер — красноармеец.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Трое нас. Мы сидим за веселым столом:
Два степных казаха и русский.
Чай душистый дымится. За светлым окном
Ходят плавные волны музыки.

В наших жилах струится братская кровь.
И готовы раскрыть мы объятия.
Между нами живет большая любовь
И беседу ведем мы, как братья.

Пусть придет к нам грузин, узбек и калмык, —
Будет встреча еще чудесней.
Мы найдем с ними дружеский, братский язык
И поделимся чаем и песней.

Слышишь шумы? Москва за окном шумит.
Видишь блеск? То в синий воздух
Древний Кремль возносит, лучами облитые,
Золотые, как в сказке, звезды.

Там, под звездами солнечный Сталин живет.
Он принес через годы ненастья —
Солнце вечной весны с лазурных высот
И цветы всенародного счастья.

Он сдружил Москву и казахский аул,
Он сроднил все народы и страны.

ПРИВЕТ ИЗ КАЗАХСТАНА

В суровые годы ненастья и вьюг
Я знал тебя, город царя, Петербург.
Ты слал нам, казахам, в ковыльные степи
Лишь сабли да пули, нагайки да цепи.
Сердца согревает и радует взгляд
Рабочий, бурливый, родной Ленинград.
Там массы впервые колоннами встали
Под знамя, что подняли Ленин и Сталин,
Там Киров в дыханьи заводов живет,
Там жизнь, словно сад Тюлистана, цветет.
Вокруг меня степи в весеннем наряде,
А сердце и мысли мои в Ленинграде,
Где песни степей вдохновенно поет
Устами певцов возрожденный народ.
Где наше искусство волнует со сцены
Красой Кыз-Жибек и огнем Тюлегена,
Геройством Таргына, гореньем души
Прекрасной казашки родной Хадиши.
Желаю, чтоб чище ручьев прозвенели
Куляш соловьиные нежные трели,
Чтоб песня на битву за счастье вела,
Чтоб дружба народов росла и цвела.
Жамбул Ленинграду желает побед
И шлет от горячего сердца привет!

(С казахского перевел К. Алтайский)

ПЕСНЯ О ЗЕРНЕ

Весною, когда просыпалась земля,
Гонцы привезли нам декрет из Кремля —
И мы, с журавлями, плывущими в небе,
Гурьбой потянулись на наши поля.

Мы землю взрыхляли. Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь —
Могучею силою черных тулпаров¹,
Поксрных узде, вороных тракторов.

Работа была — весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна.
Мы хлынули щедрым сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, зерна.

Дождем прошумел торжествующий май,
Колосья лелеет колхозный наш край.
В счастливой тиши бирюзового утра
Поет над пшеницею кара-тургай².

Коль спросит нас путник из дальней земли —
Что это сверкает, как солнце, вдали?
Мы скажем, что золота крупные слитки
Растут из обильной колхозной земли.

¹ Тулпар — легендарный крылатый конь.

² Кара-тургай — жаворонок.

Как шелестом шелковым шепчет Иран,
Пшеницей своей зашумел Казахстан —
Над морем колосьев, над хлебной ширью
Плывет белым лебедем аэроплан.

Стоят кзыл-аскеры¹ на всех рубежах,
Стальные штыки наготове держа.
Пусть зреет пшеница в колхозных просторах —
Они отстоят от врагов урожай.

Сверкают поля. Небосклон бирюзов.
По ветру колыхнутся волны хлебов.
Мы живы и счастливы Сталинским словом:
Мы бьемся за семь миллиардов чудов.

По рельсам Турксиба от нас в города —
С пшеницей и рисом пойдут поезда.
У Сталина слово равняется делу.
Так было.
Так есть.
И так будет всегда!

(Перевод К. Алтайского)

¹ Кзыл-аскер — красноармеец

АЛА-ТАУ

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты,
Над всем Джетысу поднялся Ала-Тау —
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют.
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь при закате, клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, лизвергается, бьет водопад —
Гремит валунами и пена играет,
Из радужных брызг одевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах.
А ниже — дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни.
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,

Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине, меж гор, — под парящим орлом
Густой синевою блестит водоем.
Веселые стаи пыряющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже в напевном журчанье арыков
Столица красавица Алма-Ата.

Богат Ала-Тау — в чалме изо льда,
Врагам он богатства свои не отдал.
Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Ала-Тау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где горе гуляет по глиняным фанзам,
И теплою кровью дымится война.

Жамбул с высоты озирает овраг —
Не скрыт ли там хитрый, озлобленный враг.
Над белою войлочной юртой Жамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг.

(Перевод К. Алтайского)

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, разбойные годы,
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную желтую воду,
А бай — хмельной, золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям да баям.
Ты зависть внушал нам и был проклинаем
Лишь байскую кровь согревавший кумыс.

На праздничных тoях привычный и ходкий
Вливался рекою ты в байские глотки,
Степной, не имеющий крепости водки,
Бодрящий, не сладкий, душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями стали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, и сыр, и кумыс.

Где бай? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями яме,
Шица от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,

И рыжие, словно закат, кобылицы —
И пахнувший солнечной степью, кумыс.

Ты напн джайляу собой украшаешь,
В стахановцев свежие силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий, ядреный кумыс.

(Перевод К. Алтайского)

ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ

Горишь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.
Жемчужины песен ты миру создал,
Из черного века твой гений сверкал.
Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем даря.
Не в битве великой и не от меча, —
Погиб ты от грязной руки палача.
Но что тебе смерть, если песня жива?
Сияют твои золотые слова.
Сто лет пронеслось, как тебя погребли,
Ты стал всенародным акыном земли.
Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной.
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!
Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.
Живем мы все лучше и все веселей,
Греми же бессмертный, как жизнь, соловей!

(Перевод . Алтайского)

ГАСЕМ ЛАХУТИ

Жамбулу

Порхай, ликуй, свободный соловей!
Над розою счастливою своей!
Рассыпь на землю серебристый гром,
Навстречу солнцу трели звонко лей.
Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.
Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.
Пой тополю: свободней ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся и алей!
Запой, и всюду смолкнут соловьи,
Певцы иных садов, иных полей,
С восторгом песни слушая твои,
Акын Жамбул, казахский соловей.
Прославь его, кто этот сад растил,
Того, кто всех отважней и мудрей,
Пой Сталина, весну народов пой,
Пой солнце Родины моей, твоей!

(Перевод с фарси Бану)

ЖАМБУЛ

Гасему Лахути

О дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-персидски пропел, Лахути.
С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.
Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиною песню поет.
Моими словами казахский народ
Заветную песню пускает в полет.
Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.
Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.
Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.
И Янка, акын Белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлей.
Запел весь Советский Союз многоликий —
Русские, турки, казахи, таджики.
На празднике песни звени и цвети
Фирдоуси правнук — акын Лахути.
Как воды арыков под сенью зеленой
Поем мы, и с нами поюг миллионы.
О родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развезанной в прах.

О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обилье, о пышном богатстве.
О том, что не стало насилья и зла,
О том, что земля на заре расцвела.
Взгляни, Лахути. Разрастается сад,
Тюльпаны и розы в саду шелестят.
Волна ароматов нам головы кружит,
Росинки лежат ожерельем жемчужин.
Над нами яснее небес бирюза,
Цветение радуг ласкает глаза.
И ветер в плену соловьиного шелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.
Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,
И выси хребтов, и пространство степей,
И недра земли, и глубины морей.
Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную Сталин,
Кто к солнцу и к ясному счастью ведет
В огне Октября возрожденный народ.
Кто самый большой человек на планете,
Кто дал Конституцию лучшую в свете,
Кто судьбы народные держит в руках,
Чья светлая слава сияет в веках.
Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.
Мы дружно, как братья, народам поем
На разных наречьях, но об одном.
В казахском жире, в персидской газелле
Одни у нас мысли и чувства созрели.
Один в наших песнях батыр и герой —
Кого не сравнить ни с звездой, ни с зарей,
Чьим именем названа наша эпоха,
Кого будем петь до последнего вздоха.
Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути.
И грянем о Сталине непобедимом,

О самом великом, родном и любимом.
Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

(Перевод К. Алтайского)

УМЕР БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Пой от скорби и горя, Жамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул —
Умер Горький¹ — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
К светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким ясный рассвет.
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.
Но во тьме его песни зажглись,
Как созвездья на небе ночном.
По стране его песни лились,
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
Сталин книги его читал
И, как верного друга, любил.

¹ Песня спета в день получения в Казахстане известия о смерти А. М. Горького.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин — сверкающих слов —
Быпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждою рабов.

В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел.
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над странною плыла весна,
Свежих росных цветов полна.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отсверкал, откипел, отзвенел
Светлый, чистый, кипучий родник:
В нашей самой счастливой стране
Умер самый счастливый старик.

Плачьте струны из турьих жил,
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный Сталин любил.

(Перевод К. Алтайского)

СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ

Сулейман, златоклювый соловей Дагестана,
Лей счастливые трели на весенней заре.
Лихолетья мы жили под покровом тумана
В царстве сумрачной ночи, в хищной власти зверей.

А сегодня — тюльпаны расцвели по курганам,
Так заставим звенеть мы полным звоном струну,
Запоем и прославим мы простор Советстана,
Соловьиного счастья золотую страну.

Соловьи залечили свои прошлые раны,
Не в неволе, не в клетках — на ветвях тополей
По горам Дагестана, по степям Казахстана
Льются песни их день ото дня веселей.

Зацвели пышным садом возрожденные страны,
Засняли над ними бирюзой небеса.
Это Ленин и Сталин — всеземные титаны —
Дали счастье народам, соловьям — голоса.

Все народы гордятся соловьем Сулейманом,
Чьи слова драгоценны, как большой самоцвет.
Я, Жамбул, воспевая этот дар многогранный,
От всего Казахстана шлю ашугу привет.

Перед Родиной меркнет даже сад Гюлистана,
Даже старость и дряхлость отступают пред ней,

Даже нам, старикам, жизнь мила и желанна,
Даже мы с Сулейманом год от года юней.

Пусть парят наши песни, как орлы по всем
странам,

Отдадим свои песни мы орлу из орлов —
Чья кипучая мысль глубже всех океанов,
Чья могучая воля властней ураганов,
Чья творящая сила выше гор-великанов,
Чье звенящее имя — достойные веков.
Отдадим свои песни нашим сталинским странам.
В песнях сердца биенье и горенье ума.
Задушевно и просто мы поем с Сулейманом —
Скажем «Сталин», и песня забушует сама.

(Перевод К. Алтайского)

УТЕГЕН БАТЫР

Вольно, просто, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Жамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю.
Где я взял ее? Не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пеньи,
В гордом клетоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жирши и от акынов.

Век за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью, пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые —
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано —
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана¹.

¹ Арстан — лев.

Был он первым среди сотен,
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое ¹
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу — земля казахов —
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетии
Степь постигло лихолетье —
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Бились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаньях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу ², над горами.

¹ Той — праздник.

² Джайляу — летнее пастбище.

Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами?

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,
Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит,
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях польет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Понял он: в кровавом споре
Дрогнут ханы и в позоре
Примут царскую присягу,
Обрекая степь на горе.

Ханы хитростью богаты,
Предадут народ за плату —
За кокарды, за медали,
За парчевые халаты.

Видя все, он не сдавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр повел с народом
Он такие разговоры:

— Мой объятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход.
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь жигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь пустынь, где трава не растет,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет,

Где лишь огненный ветер плывет,
И песок по барханам ползет,
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдет —
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет —
Неизбежен царя к нам приход.

Надо прямо смотреть нам вперед —
Ждет беда у аульных ворот.
Наступает решающий год.
Надо действовать. Время не ждет!

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать паутину дремот?
Кто коней в табуне отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет.

Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет,

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст нам приплод
Потучневший на пастбищах скот.

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ.

Смолк батыр, зовущий к славе,
На коне седло поправил.
Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят жигитов
И сказали: мы согласны.

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чаю, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинногривых,
Как жигиты огнеглазых
И как девушки красивых.

Звонко цокнули копыта.
Начал путь батыр со свитой.
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним жигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали — как едут к Мекке,
Через горы, через реки.
Наконец, предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли так мало было,
И людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

На полях пестрели всходы,
В желобах журчали воды,
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть жигиты утомились,
Пылью серою покрылись.
Не найдя земли заветной,
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала,

В Утегене и жигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго.
Наконец, в долине волглой
Запылал большим пожаром
Кровавой закат над Волгой.

Перед ними полем бурым
Неприветливым и хмурым
Стлалась царская Россия,
Край цепей, штыков и тюрем.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордуо,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек казашек.

Дальше, дальше! — крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одичалый...
Где кибитка Утегена
В эти дни ни побывала?

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом,
Как Коркыт, домбрист чудесный,
В песнях Родины воспетый.

Розоватой, росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные хозаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода —
Тощи травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел жигитов.

Кони тронулись, гарцуя,
Словно жар горела сбруя.
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы.
Дальний крик гусей усталых.
Как серебряные слитки
Актюбе им засверкало.

И тогда косем¹ упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки, в степи просторной.

Сел косем. Река бежала.
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей

¹ Косем — руководитель, вождь.

Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

Я жену оставил дома
И пространствами влекомый,
Как Коркыт, в степях скитаюсь,
В блеске молний, в гулах грома.

Но народ родной люблю я,
Землю для него найду я.
И земля удобной будет,
Как коню седло и сбруя.

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали,
Под шатром ночного неба
Утомясь жигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила.
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели.
И жигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как тлетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у жигитов,
В темном ужасе дрожащих

Тяжело дышать им стало.
Сердце каждого шептало:
Ой-бой-боу на чужбине
Смерть меня подстерегала.

Все жигиты вокруг кóсема
Собрались, от страха немые.
И один жигит промолвил:
В эту ночь погибнем все мы.

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Он сказал своим жигитам
Тонем ровным и спокойным.

Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Непристойен для жигита!

Будь он зол — давно напал бы,
Растерзал и всех пожрал бы,

Как пылинка пред горою,
Пред чудовищем мы слабы.

Если-ж нас он не тревожит,
Значит мы спокойно можем
Отдыхать под синим небом,
На кошме, походном ложе.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю —
Он пришел сюда недаром.

Все ж жигитам страшно было.
К сну их больше не клонило.
Ждали все, когда проснется
Солнце — ясное светило.

Зазвенели птичьи хоры,
Расцвели зари узоры,
Айдахар гороподобный
Приковал к себе их взоры.

Безотчетный темный ужас
Поселил в жигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Тряс коней смертельный ужас,
Весь табун дрожал, как в стужу.
И моча коней дымилась
Кровавой багровой лужей.

Утеген, батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмутив,
Сел в седло свое сразмаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанье мира,
Он подъехал к айдахару,
Как таксыр в аул к таксыру¹.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестяло,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый,
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген спокойным током
Обратился к айдахару:

—Эй, чудовище, мощен твой рот!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый, дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Степь от края до края трясет.
Почему ты закрыл нам проход,
Не пускаешь жигитов вперед?

Я — батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.

¹ Таксыр — господин.

Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Град и дождь беспощадно сечет,
Суховей меня пламенем жжет
И песком набивает мой рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт.

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалясь цветисто-пестрой,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений,
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты
Поскакали в путь жигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные встали.
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмура брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглушало,
По земле хвостиком било —
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой, теплой пеной,
Рвалось в горы и, как будто,
Призывало Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих жигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спалили в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе —
К валунам, что пена лижет,

И, блеснув ружьем на солнце,
Подал знак: Входи! Входи же!

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя.
Шум, и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

— Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее,
Я готов на подвиг ратный.

Айдахар ушел. И снова
Бой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Нанося друг другу в гневе
Беспощадные удары.

Был один из них моложе —
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру,
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,

Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя как старый
Получает в грудь удары, —
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех жигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и каменьям
Он повел их с уваженьем,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной
Степью знойной и огромной
И увидели под вечер
Хвойный лес густой и темный.

Айдахар тут встрепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и жигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил —
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомый
Утеген подъехал к дому
И слышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

— Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще, у каменных стен?
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствует, словно олень?

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой, —
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть жигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд.
Если смелое сердце в груди,
Слезь с коня ты и в дом заходи.

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно.
Там его радушно встретил
Кайберен¹ седой и важный.

Были в этом доме стены —
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился к Кайберену.

— Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец.
Преодо мною дорог миллион,
Я в дороге — и я утомлен.

Да, ты прав, — потерял я покой, —
Нет пути мне обратно домой.

¹ Кайберен — старик, доброжелатель, часто встречающийся в казахских сказках.

Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль землю найти.

Я в родные края — в Джетысу
На коне своем весть принесу,
Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик, — и те
О своем помышляют гнезде.
Даже серенький воробей —
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синие муши плывет.
Как же лучше мне не желать,
Для народа земли не искать.

Я, как странник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу.
Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ.

И ответил ему Кайберен:
Честь и слава тебе, Утеген!
Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как элтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Так послушай советы мои:
По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровный — всегда и везде.
Удержи, — если гневен собой, —
Руку правую левой рукой.

Утеген пред ним склонился,
По-сыновьему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шалый.
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру, над предгорьем
Лился. плакал на просторе
Не людской и не звериный,
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал жигитам —
Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг — убью на месте,
Если друг — вернемся вместе.
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести.

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки,
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — абжиланом,
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя в сердце рану.

Если сердце змей достанет,
Сердце биться перестанет.

Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
Если зверя сгубит выстрел,
Белый змей тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Белошкурого злодея,
Айдахар освобожденный,
Благодарным быть сумеет.

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея абжилана
Пуля голову пробилла.

Утеген-батыр вернулся,
И жигитам улыбнулся.
Стали спрашивать жигиты:
С кем же ты, батыр, столкнулся?

Отвечал батыр им с жаром:
Я во мрак ходил недаром,
Погубил я абжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре.
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара,
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе.

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих.
Тихий порох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна в косматых тучах.

Известили клубы пара
Приближенье айдахара.
Затревожились жигиты, —
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген — могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему жигиты.
В изголовьи были скрыты

Голова змеи и с нею
Золотой, тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой;
По размерам, как чайник большой,
Утеген им сказал: это дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро,
Шлют нам золото и серебро.
Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда, —
Не страшна тогда будет беда.
Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится — жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет,
Им везде уважение всех,
А лентяям — презренье и смех.

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген позвал жигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало,
Через камни Тас-Арала
Утеген повел жигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямою
Вел их к водам в царство цали
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмурив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним жигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром —
Там баран в сурпе варился.

Вдруг из тьмы лесной и черной
Подошли к костру проворно
Две красавицы, чудесней,
Чем рассвет степной и горный.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движеньях,
И журчали голоса их,
Как ручьи среди камней.

У костра они сидели,
На жигитов не глядели.
А жигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,

Когти их острее булата —
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако,
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя.
Мы коварность их проверим:
Эта хитрая уловка —
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе.

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томилась.

Ночь. В дупле пицат совята,
Серый волк бредет куда-то.
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утегэн, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною;
Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел.
Так погибли жез-тырнаки.

Но красавицы сказали —
Этот ужин нам не нужен.

Золотилось мясо в сале.
Все жигиты мяса взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот жигиту кость попалась,
А красотка засмеялась:
Почему живую костью
Неживая кость ломалась.

О траву он вытер сало,
А красавица напала:
Почему жигит неумный
Вытирает сало салом?

Посмеялись и в мгновение
Скрылись, словно сновиденья,
Лишь манили удаляясь
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке —
Шелест, шопот, шорох всякий,
Утеген сказал жигитам:
— Это были жез-тырнаки¹.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами.
Рвут сердца они когтями.

¹ Жез-тырнаки — сказочные существа с алмазными ногтями, могущие перевоплощаться.

В тишине, в песках горячих
Находил он смерть от жажды.

Там стоял, как нар¹ горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный,
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьих кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять инокходцев.
Месяц мчишь там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел жигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал перед ними лес дремучий,
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый —
Пред жигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,

¹ Нар — одногорбый верблюд.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла наряд богатый —
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал жигитов.
Снова вспомнив про Коркыта,
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Стени, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевой
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлопьями взбивалась,
Выдавая ярость моря.

Сорок суток, ветров полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем сквозь туманы —
Встали желтые барханы,
Синий звон висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.

Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец, в начале лета
Начались в лесах просветы.
За лесами степь лежала,
Вся цветами разодета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Жиделы байсын¹ предстала.

Утеген! Вот мечтаний венец,
Ты нашел край чудес, наконец!
Посмотри, как лазурь высока.
Как привольно плывут облака.

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри.
Посмотри как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды.

Они слаще, чем липовый мед,
Они падая просеются в рот.
Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.
Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны² крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.
Посмотри на джейраньи стада —
Их никто не сочтет никогда.

¹ Жиделы байсын — родина ягод.

² Коян — заяц.

Посмотри на опушке леска
Козы черные — кара-каска¹,
Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный домбай².
Посмотри, многоводна, сильна
Разливается речка Мана.

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.
А в степях, среди трав и цветов
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр —
Пред тобою нетронутый мир,
Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни.
Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.
Степь от края до края прошел,
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней.
Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

¹ Кара-каска — черная коза с белой звездой на лбу.

² Домбай — сказочное животное.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,
Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул и сдох.

Обступила его темнота.
Умирала в батыре мечта.
И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

* *

*

Утеген. Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!
Я. Жамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вестя несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть,
Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри — озарен, осиян
Встал одетый в лучи Казахстан.
От Тянь-шаня его простор
До Уральских яземовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.
У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.

У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.
У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям города.
Посмотри, Утеген, посмотри —
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна.
Кара-тау дает свинец,
Кокше-тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай,
Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.
Скачет так, что трясется земля,
По степям, где лишь ветер гулял,

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой, Турксиб.
Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.
В Кармакчинской степи зреет рис,
К Ала-тау сады поднялись.

А в садах слаще сна и мечты
Спеют яблоки Алма-аты.
А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты.

С белой шерстью, нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,
Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов,

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.
На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком.
А когда отпылает закат,
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек хранят
Теплых, мягких, безрогих телят,

Тонкорунных кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,
Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат
Край народной заветной мечты,
Край обилья и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, Утеген, посмотри —
На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал,
По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах.
За спиною не стало горба,
Человеком он стал из раба.

Эту правду и солнечный свет,
Эту звонкую радость побед,
Эту жизнь без насилья и слез,
Сталин мудрый и добрый принес.

Он батыр из батыров. О нем
Песни грянули ветры и гром,
И кипящий горный поток,
И звенящий в барханах песок.

И на ветках весенних листы,
И ручьи, что звонки и чисты,
И серебряный грозный буран,
И жиршия, и акыны всех стран.

Сталин — солнце! Гори и свети!
Богатырским здоровьем цвети!
И неси — всемогущ и силен —
Счастье людям всех стран и времен.

(Перевод К. Алтайского)

МОЯ РОДИНА

Жамбуду сейчас девяносто лет,
Но крепко Жамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан.
Встречает певца родной Казахстан.
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Жамбул!
Пришли и мои немере-шубере¹,
— Спой и нам, отец, и сыграй на
домбре!

Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремена звенят.
Девяносто лет согнули меня.
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...
Смотрите, — моя голова седа,
Смотрите, — бела моя борода,
Смотрите, — в глазах кровь и вода,
Много я в жизни видал.
Мой род не седлал степных бегунков,

¹ Немере-шубере — сыновья моего сына и моего внука.

Тавро¹ украшало мое лицо,
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.
Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман²?
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,
По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя.
На плечах своих пронес мой народ
Суровых закопов гнет.
Врывалась коканов³ волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Куспега⁴ налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его — вечно стояла ночь.
Хан у народа любую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда в джайляу⁵ пыль поднималась,
Тогда в озерах вода волновалась,
Тогда над степями с клеткотом злым
Тревожно летали орлы...
Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след

¹ Тавро — клеймо.

² Сум-заман — горькое время.

³ Коканы — кокандские ханы.

⁴ Куспега-хан — один из казахских ханов.

⁵ Джайляу — летнее кочевье казахов.

Семьдесят горьких лет.

Был хан Аблай¹, как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки² окружали,
Нукеры³ хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось,
Баям он дал золотое седло.

А тем, чьи плечи сдавила сума,
Был он как злая степная зима!
Память открыла мне повесть одну...
Любимому сыну вез хан жену.
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Джангера⁴ какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плеть да аркан.
Как волки зубами, арка⁵ рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,

1 Аблай-хан — один из казахских ханов.

2 Датки — ханские заместники в степях.

3 Нукеры — наемные солдаты.

4 Джангер-хан — один из казахских ханов.

5 Арка — степь.

Наши родные кибитки сожгли!
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты
Резали! Ханское было кадэ¹,
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана;
С ним появились: мирза, старшина.
В байскую юрту сам бий² приезжал,
На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень³ дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.
Кедей-бишара⁴ был похож на тень,
На голом теле — колючий чекмень⁵.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной.
Бураны его заметали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише⁶ разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал,

¹ Кадэ — лакомство.

² Бий — судья.

³ Керсень — чаша.

⁴ Кедей-бишара — раб.

⁵ Чекмень — грубоотканый халат.

⁶ Байбише — жена бая.

Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня:

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов,
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и троны снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, аулам
Степь выходила к бунтарским гонцам!
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кедеи несли.
Байскую свору, как падаль, жгли.
С байских холопов кедеи сорвали —
Царские золотые медали!
Я в песнях прославил тот смелый год!
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движении своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.

Спасибо, Сталин, тебе, данишпан¹
Расстался Жамбул с своей горькой
судьбой.

Спасибо тебе, Сталин родной!
Едет Жамбул в богатом седле,
Едет Жамбул по родной земле,
Едет Жамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
— Пой свои песни громче, Жамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!
В колхозном ауле — радость живет,
В колхозном ауле — сердце мое,
В роскошном ауле — звонко поет.
Старик, проклинавший недавно судьбу—
Счастливый певец Жамбул!
Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши¹,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин — слов.
С пророком хотел я тебя сравнить,
С пророком не мог я тебя сравнить,
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
Меркнут пред ними фарыз, сундет².
Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить —
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить,
С полярной звездой не мог сравнить!
Она, как приколотая гвоздем,

¹ Данишпан — мудрый.

² Жирши — певцы-импровизаторы.

³ Фарыз, сундет — законы религии ислама.

Вечно стоит на месте своем.
С горами хотел я тебя сравнить,
Из гор тебе не равна ни одна —
У каждой горы — вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить,
Не мог тебя с полной луной сравнить!
В небе она холодна и бледна —
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить,
Не мог тебя я и с солнцем сравнить!
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин — как вечный огонь горит.
С родной домброй по степям я пройду,
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья —
Достойное Сталина сравненье!

Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Жамбул с горькой судьбой.
Едет Жамбул в богатом седле.
Едет Жамбул по родной земле,
Едет Жамбул по родной стране
На сытом, степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
— Пой свои звонкие песни, Жамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!

(Перевод Павла Кузнецова)

КЛЯЧА И КОНЬ

Я встретил в седле своей жизни рассвет.
Была моя кляча худа, как скелет.
Шаталась она — и степной ветерок
Сумел бы свалить ее с ног.

Ползла с нее шерсть.
Был лоб ее лыс.
Над мокрыми струпьями мухи вились.
Слезились глаза постоянно у ней,
И в челке гнезвился репей.

Я ехал и пел.
Мои песни лились
Про черные косы красавицы кыз¹,
Но стройная кыз, что джейрана резвей,
Смеялась над клячей моей.

На ярмарки и на базары я вез
Печальные песни страданья и слез.
На кляче худой из аула в аул
Скитался я, рваный Жамбул.

Когда ручейками сбегали снега,
В зеленой степи начиналась байга²,

¹ Кыз — девушка.

² Байга — скачка.

Весенний пробег вороных скакунов
Из байских степных скакунов.

Что мне оставалось? Поодаль стоять,
От зависти горькие слезы глотать,
Да ночью тоскливой в немой тишине
Мечтать о чудесном коне.

Ночами являлся мне конь моих снов,
Скакун темно-рыжий, краса табунов,
Он жарко храпел и в просторы манил
И звонко копытами бил.

Он долгие ночи стоял предо мной,
Сверкая уздой, бегунец огневой.
Во мне поднималось кипение сил,
Отвага горела и пыл.

Но сон отлетал и в полынном краю
Я снова садился на клячу свою
И ехал, бескрылую юность кляня,
Ночную мечту хороня.

Так юность прошла, и не ездил я
вскачь —
Была моя кляча костлявей всех кляч.
Шли годы — и в черных ночах у меня
Исчезло виденье коня.

Когда я, как снег Ала-тау, стал сед,
Узнал я счастливое слово «Совет» —
Пришла в моей жизни вторая весна.
Прекрасна, свежа и ясна.

Поднялся и ожил казахский народ,
Отнял он у баев джайляу и скот,

Навеки ушел, как от солнца туман,
Проклятый байский заман¹.

Колхозные бродят в степях табуны,
Привольно растут в табунах скакуны.
И даже из кляч в моей светлой стране
Выращивают коней.

Сам Сталин отметил вниманьем меня,
За песни мои он послал мне коня,
Коня несравнимой ни с чем красоты,
Коня лучезарной мечты.

Так вот он сверкающий конь моих снов,
Скакун темно-рыжий, краса табунов,
Он жарко храпит и в просторы зовет
И звонко копытами бьет.

Его благородная поступь звонка,
Его лебединая шея тонка,
Алмазные брызги сорит он из глаз,
А шерсть его, словно атлас.

Уздечка на нем в дорогом серебре,
Узоры седла — как ковер на заре,
И радостно, как золотая струна,
Звонят на нем стремяна.

Как в снах моей юности, стал я крылат,
Во мне возрожденные чувства бурлят.
В крови моей снова кипение сил,
Отвага и песенный пыл.

Я рад обновить мой богатый наряд —
Халат, на котором узоры горят,

¹ Заман — время.

Чье звонкое имя герои дарят
Реке, породнившей моря.

В чью славу весенние степи цветут,
О ком водопады гортанно поют,
Кому улыбаются капли росы,
И звезды звенят «Жасасын»¹.

С цветами, со звездами, с горной рекой
Сливается голос взволнованный мой.
О, Сталин, великий мудрец из Кремля,
Поет тебе славу земля.

(Перевод К. Алтайского)

¹ Жасасын — да здравствует.

ПОЭМА О ВОРОШИЛОВЕ

I

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.
В горах Абиссинии стоны ветров.
В Испании льется горячая кровь.
Гремит канонада в китайских краях.
Манчжурские реки поют о боях.
И ночью дивятся в степях чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.
Тревогой шумит созревающий колос,
И я поднимаю взволнованный голос
Над степью, зовущую в синий простор,
Над цепью мерцающих жемчугом гор,
Над звонко кипящим в горах водопадом,
Над тронутым розами яблонным садом,
Над плеском арыков, пугающих тишь,
Над желтой рекой, где куга и камыш,
Над тополем стройным, как наши
казапки,
Над морем тюльпанов и белой ромашки,
Над прудом, который и розов и сиз,
Над полем, где сплет серебряный рис,
Кочуй моя песня.
Будь гостьей желанной —
В просторных, ковыльных степях
Казахстана,

Чтоб сделать народ и глухим и слепым,
Как муллы, дурманили разум попы.
Полиция стаей вороньей кружила,
В те годы родился там Клим Ворошилов,
Сын бедного люда, труда и нужды.
Он рос, как весенний цветок без воды.
Его не ласкала весна голубая,
Он с детства чабанил у жадного бая.
За стадом хозяйским ходил он босой,
Ел хлеб с лебедой, умывался росой.
Казахи! Под зноем высокого неба
Мы вызнали горечь хозяйского хлеба.
Как Клима, дожди нас нещадно секли,
Как Клима, нас ветры горячие жгли.
Как Клим, мы под небом в степях

ночевали,

И, как Ворошилов, отрады не знали.
Голодные шли мы в бураны и мрак
В то время, как бай пожирал

бесбармак¹.

Того, кто как все мы, чабанил когда-то,
Мы ценим как друга и любим как
брата.

Судьба Ворошилова — наша судьба.
Борьба Ворошилова — наша борьба.
Ночами в бескрайних степях Казахстана
Мигают чабаны костры из тумана.
И каждый чабан вечерком у огня —
Гадает — какого же выбрать коня?
Ходить за конем, как за сыном

любимым,

И нежить, и холить в подарок для
Клима.

Пасутся в зеленых степях табуны,
Для Клима растут в табунах скакуны.

¹ Бесбармак — вареная баранина, любимое блюдо казахов.

Хоть детство у Клима и было не сытым,
 Но вырос он стройным, веселым
 жигитом.

Глаза его лили тепло, как лучи,
 А голос звенел, как весною ручьи.
 Работал он много, и живо кипело
 В руках его самое трудное дело.
 В Донбассе, суровом шахтерском гнезде,
 Где люди и уголь, как в Караганде, —
 Он был на заводе, что глухо грохочет,
 В семье молчаливых бесправных
 рабочих.

Таких же бездельных и бедных, как
 Клима,

Привычно глотавших удушливый дым.
 Их жизнь протекала в нужде и печали.
 Страдали они, но угрюмо молчали.
 Клима песни Шевченко любил распевать,
 Учился обиды врагам не прощать.
 На черных заводах и в шахтах Донбасса
 Свой гнев накаляла рабочая масса,
 Она к забастовке готова была,
 Молчала и только сигнала ждала.
 И подал сигнал наступления Клима,
 И двинулась грозная масса за ним,
 И ветер раздул, как костровое пламя,
 Горячее, красное, гневное знамя.
 Пред Климом восход лучезарный
 блестел,

И ветер восстания в уши свистел.
 Казахи! Искать ли далеко примера?
 Мы помним восстание против

Джангера ¹,

¹ Джангер — казахский хан, живший в XIX столетии.

Когда против хана поднял Исатай¹
Степной, изнуренный, истерзанный
край,

Когда длинногривые кони летели,
В рубиновом зареве сабли блестели,
И злобные стоны бегущих врагов
Сливались с музыкой звонких подков.
У Клима отвага и воля крутая,
И львиная сила, как у Исатая,
И дум чистота, и горячая кровь,
И пламенный ум, и к народу любовь.
И в юности ранней, как в зрелые годы,
Боролся он смело с врагами народа!

IV

Неслись над страной под плач
похоронный

Железные стоны,
Кандалные звоны,
Всех лучших людей император бросал
В сибирскую стужу, в седые леса.
Туда, где бураном пути задушило,
Шагал под конвоем и Клим Ворошилов.
Но он перед царским штыком не
дрожал,

Из ссылки суровой он скоро бежал.
И часто тайком, с неудачами споря,
Пробрался к прибою Каспийского моря,
Где черными вышками на берегу
Стоял, пропахший нефтью Баку.
Мы помним могильные душные ночи,
Мы знаем заслуги бакинских рабочих,
Которых коронный злодей не сломил,
Которых сам Сталин на штурм выводил.

¹ Исатай — руководитель восстания против хана Джангера.

Была его мудрость, как жизнь, велика.
И с Лениным вместе, как он гениалец,
Учил нас соратник и друг его Сталин.
Учили они не сдаваться судьбе,
Учили великой священной борьбе.
Вожди человечества Ленин и Сталин
На штурмы веди и к восстанию звали.
И Клим Ворошилов услышал призыв
И стал буревестником близкой грозы.
Сидел еще царь Николай на престоле,
А Клим Ворошилов в глубоком

подполье.

Пред темными тюрьмами Клим не

дрожал,

Жигитов винтовками вооружал.

Чтоб биться за солнце, за воздух, за

волю,

За счастье народа, за светлую долю.

Чтоб шахты у жадных хозяев отнять,

У жирных помещиков земли забрать,

Чтоб вырвать у баев стада и джайляу¹.

Что нами добыто,

Что наше по праву.

Чтоб силой оружия добиться победы,

Чтоб свергнуть позорную власть

мироеда,

Чтоб гневом и ненавистью горя,

С престола согнать кровопийцу царя.

Не так ли Жалбьыр, полководец великий,

Ковал для народа казахского пики?

Не так ли он речи к жигитам держал

И острыми саблями вооружал?

Не так ли заполнил он степи верблюжьими

Мятежным, торжественным звоном

оружья?

¹ Джайляу — летнее кочевье.

Как гневный Жалбыр в угнетенном
ауле

Готовил царю не подарки, а пули,
Так Клим, ненавидящий трон и венец,
Готовил царю не поклон, а свинец.
С казахским любимым героем Жалбыром
Могу я сравнить только Клима-батыра.
У Клима с Жалбыром дорога одна,
Их чтит как героев и любит страна.
О подвигах их на горах и в долинах
Сплетают легенды, слагают былины.
И в песнях прославлены их имена
Во всех поколениях, на все времена.

VI

Октябрь прогремел над страной, как
гром.

Парил Ворошилов могучим орлом.
В тревожные годы когтил он не мало
Врагов революции — подлых шакалов.
Куда прилетал он — орел молодой,
Стихал там шакалий растерянный вой.
В стране создавались и крепили советы,
И Ленин писал для народа декреты.
Декреты, в которых цвели, как цветы,
Сбывались былых поколений мечты.
Декреты, в которых нашли воплощенье
Асана-Кайгы золотые виденья.
Навек беднота получила тогда
И земли, и воды, и степь, и стада.
Запела о счастье страна молодая,
Но злобных стервятников черная стая
Летела, чтоб когти расправить,
напасть,
Чтоб светлое счастье народа украсть,
Чтоб в прах превратить и развеять
советы,

Не стая шакалов ползла за орлом,
Упавшим в степи с перебитым
крылом, —

В страну, где помещицъей власти не
стало,

Кровавой дорогою шли генералы.
С востока спешил кровожадный Колчак,
Шел с юга Деникин со сворой собак,
И с запада лезли,
И с севера мчались,
Их крики и вой над страной
раздавались.

Царицын на Волге, как крепость стоял,
Ключи от Москвы он в ту пору держал!
Стремилась к нему и Колчак, и
Деникин.

Под топоты, взрывы, проклятья и
крики.

В горени и дыме царицынских дней,
Решалась судьба революции всей.
Там к смерти готовы, сражениям рады,
Встречали врагов боевые отряды,
Там ливни хлестали, но порох был сух—
Там Сталин,
Там правда,
Там сталинский дух!
В трудах обороны, в раскатах сражений
Сказался немеркнувший сталинский
гений,

И опыт могучий, и пыл боевой,
И сила, и знанье, и воля его.
Над Волгой тревожно металась
зарницы,

Стоял, как утес, неприступный
Царицын,

Врагов революции Сталин крушил,
К нему Ворошилов на помощь спешил.

На волжскую пирь, с бирюзового Дона,
Он к Сталину вел боевые колонны.
Так снова сошлись под огнем боевым
Батыр революции Сталин и Клим.
Чтобы с белыми бандами лучше
бороться —

Он Клима назначил в боях
полководцем.

И двинул войска в наступление Клим,
И вспыхнула золотом сабля над ним.
Не знала история старого мира
Такого, как Клим, полководца-батыра.
Где было опасно, — туда он скакал,
И в битву кидаясь, бойцов увлекал.
За Климом, как птица, победа летела,
И Волга от вражеской крови краснела.
Враги откатились! И мужества полн
Царицын стоял, как утес, среди волн.
Сказал Ворошилов: «Враги отступили,
А сабли и пики у нас не ступились...»
И Сталин, потрогав рукою усы,
Светло улыбаясь, промолвил: «Жаксы»¹.

VIII

Акыны, степные кудесники слова,
В часы бесбармака и жирного плова,
В часы, когда пенился крепкий кумыс,
Скажите — о ком ваши песни лились?
И скажут акыны, волшебники слова:
«Мы в песнях отца прославляли родного,
Кто ласков и мудр, гениален и прост,
Кто выше луны и сверкающих звезд,
Кто шире Арала и выше Памира,
Кто солнцем сияет для целого мира —
О Сталине слушала песни толпа,

¹ Жаксы — хорошо.

Когда в казанах закипала сурпа!
И скажут акыны, искусники струн,
Мы пели о том, кто отбил наш табун.
О том, кто отбил у врагов наши степи,
О том, что разбил наши ржавые цепи,
О сталинском друге, любимце в стране,
О Климe-батыре на верном коне...
И зависть почувствует старый Жамбул.
И слово Жамбула покинет аул.
Взвьется то слово высоко-высоко,
Как ловчая птица, заоблачный сокол.
И слово Жамбула расскажет стране
О Климe-батыре на рыжем коне.
...На рыжем коне, забывая про отдых,
Рубил он врагов в знаменитых походах.
Ни ночи, ни дни не слезал он с седла,
С ним Первая Конная Армия шла,
Шла конная лава, великая сила,
Чья слава дела Искандера затмила.
Деникин разбит ею, Врангель разбит,
И в Польше следы ее звонких копыт.
Как ветер, неслись скакуны боевые
Гнедые, каурые и вороные.
Буденный и Клим Ворошилов в боях
Летали на рыжих гривастых конях.
По славному их, по глубокому следу,
Скакали полки, и летала победа.
Как учит сынов уму разуму мать,
Их Сталин в сраженьях учил

побеждать.

Недаром в характере Климa-батыра
Есть отблески Сталина, гения мира.

IX

Жамбул был на празднике Первого мая.
Там флаги шумят, словно маки, пылая.
Там солнце горит на шелках и парче,

Там много улыбок, цветов и лучей.
Идут там под шелесты веток зеленых
В халатах и шелковых платьях колонны.
Там в братских отрядах, сплоченных
рядах —

Узбек и грузин, белорусс и казах.
С улыбкой, которая солнца теплее,
Там Сталин стоит на крыле мавзолея,
И твердую руку подняв в вышину,
Приветствует солнце, весну и страну.
Металлом звеня и гремя водопадом,
Там войско проходит военным парадом.
Идут под ружьем за полками полки
И сизою сталью мерцают штыки.
За ними гремят пулеметы, тачанки,
Стальные, летящие птицами танки.
Над ними достойные всякой хвалы
Летят самолеты — стальные орлы.
Восторг вызывая, плывет эскадрилья,
Раскинув в лазурь богатырские крылья.
И красная конница скачет, как в бой,
Военный парад украшая собой.
Несутся на площади в гуле и звоне,
Гнедые, каурые, чалые кони,
Глазами косят и грызут удила,
И падает пена, нежна и бела.
По площади скачет в боях закаленный
Прославленный маршал
Нарком обороны,
Добывший свой опыт в дыму и огне,
Батыр-Ворошилов на рыжем коне.
Он скачет по площади ветра смелее,
Потом появляется на мавзолею,
Оттуда звучит его звонкая речь
О том, как нам Родину нужно беречь.
Повсюду слышна его речь на параде:
В Ташкенте,

Во Фрунзе,
В Баку,
В Ашхабаде,
В зеленом и солнечном Сталинабаде,
В Тбилиси, где площадь в лучах золота,
В лазурной и яблонной Алма-Ата.
Гремит над Кремлем орудийный салют,
Бойцы молодые присягу дают.
И эту присягу страна повторяет
От тундры до степи, от края до края.
И держит страна, как учил ее Клим,
Штыки наготове и порох сухим.
Нарком Ворошилов страну молодую
В броню заковал неприступно стальную.
Стрелять научил и летать научил,
Границу, как жизнь, охранять научил.
Стране Ворошилова вырастил Сталин
Наркомом огня, героизма и стали.
И любо нам знать, что любой кзыл-
аскер¹,
В Наркоме и Маршале видит пример.

Х

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.
По всей Абиссинии — жалобы вдов,
В Испании хлещет горячая кровь,
Манчжурские сопки дымятся в боях.
Кровавые схватки в китайских краях.
И ночью дивятся в степи чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.
На всех рубежах наших стали дозоры,
Крадутся враги, как презренные воры,
Как скользкие змеи на брюхе ползут,
Шпионят, взрывают и яды несут.

¹ Кзыл-аскер — красноармеец.

Мы вскрыли берлогу изменников
мерзких,
Собака Гамарник, шакал Тухачевский
Задумали армию нашу предать,
Задумали Родину нашу продать.
Но встала страна, оцетиняясь штыками,
На Красную площадь, равняясь
сердцами,

И грохотом бурь, водопадов и гроз
Народ над вселенною голос вознес:
— «Батыр Ворошилов! Враги у ворот!
Спокойно оружие держит народ.
Взмахни только саблей — и мы за тобою
Без трепета выйдем к священному бою.
Когда, Ворошилов, приказ будет дан,
То весь необъятный степной Казахстан
Коней оседлает и саблями брызнет
В защиту счастливой и радостной жизни.
Жигиты отважные выйдут из нас,
Таких не знавали Тимур¹ и Манас²,
Такие не мчались песками империй,
При Кире Персидском и при Искандере³.
Эй, кони степные. Черны и густы
У них заклубятся, как дым, хвосты.
В ветрах зашумят шелковисты на диво
Волнистые, длинные, мягкие гривы.
И жаркое ржанье степных скакунов
Смешается с музыкой звонких подков.
Взмахни только саблей, вождем тебе
данной,
И станут под знамя полки Киргизстана,
Разведчики знойного Узбекистана,
Отважные всадники Туркменистана,

¹ Тимур, Тамерлан — великий завоеватель и основатель огромной Средне-азиатской империи.

² Манас — киргизский богатырь, герой киргизского эпоса.

³ Искандер — Александр Македонский.

Танкисты орлиного Таджикистана,
Бесстрашные летчики Азербайджана —
Рванутся в походы, как смерч, как
буран,

Одиннадцать, страха не знающих, стран.
Одиннадцать стран — легендарные
силы —

И ты поведешь их, батыр-Ворошилов!
И ты их обрушишь, прекрасен и смел,
На тех, кто границы нарушить посмел.
Нам дорого счастье и честь дорога.
Клинками в куски мы изрубим врага...
Нам кровью добытая жизнь дорога —
Мы в землю горячую втопчем врага.
Любимая Родина нам дорога —
Мы будем рубиться на землях врага.
Рубиться — и в зной, и в дожди, и в
снега

До полного уничтоженья врага.
Чтоб Сталин, потрогав рукою усы,
Узнав о победе, промолвил: «Максы».

(Перевод К. Алтайского)

СОДЕРЖАНИЕ

М. Каратаев. О творчестве Жамбула	5
---	---

I

В мавзолее Ленина—Пер. Павла Кузнецова	21
Песня о Сталине—Пер. К. Алтайского	23
Привет народа—Пер. Павла Кузнецова	25
Клим Батыр—Пер. К. Алтайского	27
Аксакалу Калинину—Пер. Марка Тарловского	31
Песня о друге Сталина—Пер. К. Алтайского	33
Я слышал Сталина—Пер. К. Алтайского	38
Великий Сталинский закон—Пер. Павла Кузнецова	40
Песня о весне народов—Пер. К. Алтайского	42
Песня о братстве—Пер. Павла Кузнецова	44
Песня о Москве—Пер. К. Алтайского	47
Песня от всей души—Пер. А. Алдан	50
Я возрожден—Пер. Л. Архангельского	55
Победы и радости голос орлиный—Пер. П. Кузнецова	57
Песня солнцу—Пер. Павла Кузнецова	61
Песня при получении ордена—Пер. К. Алтайского	64
Песня съезду—Пер. Павла Кузнецова	66
Песня на всеказахском тое—Пер. К. Алтайского	69
Песня гнева—Пер. К. Алтайского	70
Песня о змеях—Пер. К. Алтайского	72
Обращение к Красной армии—Пер. К. Алтайского	74
Испанским братьям—Пер. К. Алтайского	76
Обращение к детям—Пер. К. Алтайского	78
Колыбельная песня—Пер. К. Алтайского	80
Застольная песня—Пер. К. Алтайского	83
Привет из Казахстана—Пер. К. Алтайского	84
Песня о зерне—Пер. К. Алтайского	85
Ала-тау—Пер. К. Алтайского	87
Песня о кумысе—Пер. К. Алтайского	89
Песня о Пушкине—Пер. К. Алтайского	91
Гасем Лахути Жамбулу—Пер. с фарси Б ну	92
Жамбул Гасему Лахути—Пер. К. Алтайского	93
Умер большой человек—Пер. К. Алтайского	96
Сулейману Стальскому—Пер. К. Алтайского	98

II

Утеген-батыр. Поэма—Пер. К. Алтайского	100
Моя родина—Пер. Павла Кузнецова	134
Кляча и конь—Пер. К. Алтайского	141
Поэма о Ворошилове—Пер. К. Алтайского	146

Ответ. ред. КАРАТАЕВ
Тех. ред. ЕЩАНОВ
Корректор ПОТЕМКИНА

Сдано в набор 3/Х-37	Подписано к печати 5/ХІ
Бумага 70X108 1/32	Тираж 25.150
Об'ем 5, авт. л. 8	Знаков 65.000
КИХЛ № 110	Заказ № 1992
Уполномоч. Главлита № 2128	

г. Алма-Ата, Книжно-журнальная типография НКМП.